

Старо-испанская поэзия в XI столетии.

Введение.

Предметом нашего занятия здесь предстает всего — старо-испанская поэзия, поэзия, полная самостоятельности и самобытности, поэзия, которая во всем своем развитии образцовая для других. Существеннейшие элементы всякой литературы, выработавшей себе особый самостоятельный характер во время своего развития европейские, являющиеся в первый период развития литературы ее исторического положения и результатов ее деятельности, повидимому случайными. Подобно остальной Европе, ее юго-западная часть, занятая генерал-королями Леонской Кастильей и республикой Португалией, не имела разнообразных влияний. Но уже в самом начале мы встречаемся с многообразием факторов, который уже определяет отчасти характер этой поэзии, этой зарождающейся литературы — с факторами ее зарождения во времена величайших народных бедствий, смуты и насилия. В самом деле, во другие местности Европы, переживших период общеземных смут, дичь, сопровождавших гибель римской империи с ее цивилизацией и народонаселение новых форм общеземной жизни, поэтические создания если и появились, то лишь в промежутки относительного спокойствия и мира, когда человек хотя немного освобожден от угрожающих ему опасностей и о своей безопасности и об

удовлетвореніи своихъ главнѣйшихъ матеріальныхъ потребностей. Въ Испаніи же было не такъ. Здѣсь первые звуки народно-поэтическаго творчества, положившаго основу національной литературы, раздались именно во время сраженій селимъ-бековъ и борды испанцевъ-христіанъ съ маврами-завоевателями. Такими образомъ первый метръ испанскаго поэзіи явился отраженіемъ той энергии и того героизма, которыми тогда одушевляли вѣкъ испанцевъ-христіанъ отъ одного края полуострова до другого.

Благодаря прекрасному климату и почвѣ, благодаря обломкамъ римскаго цивилизаціи, долго сохранявшимся въ горахъ, благодаря пылкому и суровому духу, сократительному испанскимъ народамъ и до сихъ поръ, не смотря на всевозможныя погрѣшенія и смуты, на иберійскомъ первые признаки поэтическаго возрожденія сформировались замѣтны на пиренейскомъ полуостровѣ, въ даче раньше, чѣмъ оно выразилось въ своихъ осязательныхъ признакахъ на полуостровѣ италійскомъ. Но эта младенческая литература новой Испаніи, отчасти провансальская, главнѣе же образомъ чиста касульская или испанская, появилась въ смутныя времена, рывши, фельно не позволявшія ей двигаться свободно и быстро по той формѣ, которой ей суждено было выработать впоследствии. И въ самомъ дѣлѣ, массы испанцевъ-христіанъ, населявшихъ ордынскія государства, на которыхъ

дробилась къ несчастно тѣхъ родина, вели омерзительною борьбу съ пришельцами арабами, — борьбу, которая, въ про-
долженіи двадцати поколѣній неощадила всей силы Испа-
ни, пока наконецъ крестъ не вознесся на Башняхъ
Альгамбра и насущившій миръ не далъ испанцамъ
возможности подумать объ украшеніи жизни — поэзіи.

Ничего такъ удивительнаго, что при такихъ обрѣдъ,
гембезвахъ значительная часть испанцевъ, создававшая
передовую друшину христіанства противъ наплыва
магометанства,¹⁾ поглощенная издана великою борь-
бою съ арабами и тѣхъ односторонней цивилизаціей
и походянно обращавшая въ грудныхъ мимуды свои взо-
ра къ Гилу, какъ неогннику вѣры, утѣшенія и ободре-
нія, ни мало не колебалась снова признать император-
ное верховенство Муалим, — верховенство, которое уже
со времени имперіи получило въ Испаніи всеобщее
и полное признаніе. Безусловнымъ слѣдствіемъ этого
было подвѣненіе цѣлой императорской школы, развѣв-
шейся подъ вліяніемъ муалимскихъ образцовъ, и хотя
богатыи и самоудивный геній испанской поэзіи испки,
тамъ это вліяніе въ меньшей степени, тѣмъ это можно
было ожидать, все-таки оно оказываетъ на ея силу сильно
и замѣтно, что упомянуто о немъ нельзя.

Главныйшій поводъ:

С. В. Костаревъ: „Испанская литература и современн.,

¹⁾ Авт. Вильг. Меллерс, Vorlesungen über dramatische Kunst. Heidel-
berg 1811, лекція XIV.

новый предсказывается в Сориле" ("Атеней", 1858 г. № 16 и 17).

О. М. Тучлаевъ: Испанскій народный эпосъ о Сидѣ.
(Зап. Акад. Наукъ, III. V. Спб. 1864).

"Новый сборникъ испанскихъ романсовъ" (Отеч. За-
писки, 1856 г. № 7).

Владим. Зотовъ: Мезорія Всемирной литературы въ
общихъ очеркахъ, биографіяхъ, характеристикахъ и образ-
цахъ. III. II. Спб. и Москва, 1878.

В. О. Корень: Всеобщая Мезорія литературы. III. II.
Спб. 1885.

А. Мзержскій: Всеобщая Мезорія литературы. Спб. 1885.

Плихторъ: Мезорія испанской литературы. Перевело
въ 4-го англійскаго изданія Н. М. Скоросенко. 3 тома.
Москва, 1883; франц. пер. Magnabal' e.

Ticknor: Geschichte der schönen Literatur in Spanien.
Deutsch mit Zusätzen hrsg. v. Julius. 1 Bd. Leipz. 1852.

L. Clarus: Gesch. d. Span. Literatur im Mittelalter. 27. 1846.

Romancero del Cid par Carolina Michaelis. Leipz. 1871.

Comte de Puimaigne: Les vieux auteurs castillans.
T. I. et II. Paris, 1861.

Baret: Hist. de la littérature espagnole. 1873.

Dozy: Recherches sur l'hist. et la littérature espagnole
pendant le moyen âge. 27. Leügens, 1881.

Don Jose Amador de los Rios: Historia critica de la
literatura Española, 1861.

*Mila y Fontanals: De la poesia heroica-popular ca-
stellana. Barcelona. 1874.*

Проф. Н. М. Сороженко: *Очеркъ Мезорин Западно-
Европейской литературы. Лекции, читанныя въ Москов-
скомъ университетѣ. Изданіе учениковъ и почитателей.
Москва, 1908.*

Нѣкозорья данная оь испанскамы
народы и языкъ.

До покоренія Испаніи римлянами, тамъ были
колоніи финикійскы, карфагенскы, грековъ, но перво,
базные шизели сураны — канзабры на стьверт и иберы
на югъ говорили особенымы языкомъ, оьз которого
не одалось почти никакыхъ слѣдовъ, хотя нѣкозорья
иберскія племена, какъ фурдеганы, обичавшіе въ южной
Андалузій, по свидѣтелству римлянъ, имали тисан-
ные законы и національная эпоен. Оьз иберовъ, со-
сравлявшихъ знаменитую газь карфагенской арміи,
дошло до насъ нѣсколко монетъ; оьз канзабровъ, дол-
го боровавшихся съ римлянами при Августвъ, а позомъ уда-
лившихся въ ущелья Пиринеевъ, одались кое-какіе от-
рывки народныхъ пѣсенъ. Взорженіе въ Испанію кель-
товъ, занявшихъ центръ сураны и сославившихъ, въ сль-
шаніи съ иберами, племя кельбриберовъ, не имало влі-
яній на образование языка, хотя у нихъ была своя аз-
бука, слѣды которой одались въ надписяхъ, выргоданныхъ

на камняхъ, медалляхъ, на сосудахъ и медалляхъ. Латинскій языкъ скоро сдѣлался господствующимъ въ этой странѣ. За тѣмъ царельнѣйшіе римскіе писатели: Сенека, Марціанъ, Луканъ, Силій, Квинтилианъ, Колумелла, Флоръ, Помпоній Мела — были испанцы, также какъ и писатели зорь Страбонъ и писатели латинско-испанской церкви: Мелсифонъ, Мзидоръ, Валда, Пелла. Везуговъ, покорившіе Испанію въ началѣ V вѣка, были самыми глупыми и злобными изъ всѣхъ варваровъ, хлынувшихъ на Европу, въ эпоху переселенія народовъ, и очевидно принесли въ эту страну, да еще языкъ подтѣснительныхъ и митическихъ словъ, вводя въ него только немногія слова изъ военнаго и подружнаго быта. Когда Испанію заняли арабскіе языки страны уже не только уцѣлѣли, что възрѣніе въ него совершенно чуждаго элемента не могло имѣть сильнаго вліянія, какъ не имѣло вліянія и на развитіе особаго языка по долинкамъ кантабровъ, занявшихъ западныя Пиреней, прилегающія къ южной странѣ, и называвшихъ испанцами: *vascos, vascones, dos* (изъ слова *vasco* — человекъ), а французами — Баски. Племя это, до сихъ поръ существующее въ числѣ 600,000 въ Бискайн, Бипускоа, Алабъ и частіи Наварры, а во Франціи — въ округахъ Байонны и Мелеотса (до 200,000), сохранило свой языкъ и свою письменность, оригинальную и самобытную.

Какъ уже сказано, латинскій языкъ скоро сдѣлался господствующимъ въ Мепанин; но это — не языкъ латынскій языкъ, козорому мы учились въ школахъ. Латинскій языкъ легла въ основу романскихъ языковъ, не латынскій языкъ Цицерона: это латынскій народная, разговорный языкъ, *lingua rustica, vulgaris, sermo plebeius*. (Особый наречіе ея *sermo castrensis* — солдатскій языкъ). Мы не имѣемъ отъ него цѣлкомъ имѣющихъ литературныхъ памятниковъ времени республики или имперіи, но слѣды его находимъ у Плавта, у грамматиковъ, въ надписяхъ, особенно въ актахъ эпохи переселенія народовъ и VI, VII столѣтій. Въ немъ находимъ мы массу словъ, неизменно въ латынскій литературной, козороку имѣла выше нѣтъ синонимы; романскіе языки, слагавшіеся въ эпоху паденія школы и грамотности, усвоили не литературные, а народные синонимы. Рядомъ съ литературными словами: *equus, proelium* или *pugna, hebdomas, os, oris, mutare, caput, esse* въ республиканскомъ Римѣ употреблялись: *caballus* (*cheval*), *battalia* (*bataille*), *septimā* (*semaine*), *bucca* (*bouche*), *cambiare* (*changer*), *testa* (*tête*) и т. д. Уже Плавтъ охотно превращаетъ омонимическіе глаголы въ дѣйствительные. Въ грамматику времени Меролинговъ мы находимъ все основныя черты романскихъ наречій: сдѣленіе падежей (что позднѣе привело или къ полному уничтоженію ихъ различія, или къ различію

двухъ падежей: прямого и косвеннаго — *casus rectus* и *casus obliquus*), массу предлоговъ въ заимств. падежей, члены определенный и неопределенный, преобладание описательной формы въ спряжении глаголовъ, удару бу. дунзаго (уже въ разговорной ларани республики унозред, ялось *haveo dicere* в.яко *dicam*; оуоста франц. *dir-ai*, итал. *dir-ò* и з. д.), ослабление слоговъ, сходящихся послѣ ударенія, говорим: *oculus* (*oculus*), *articulus* (*articulus*), *vasna* (*vasna*), *mascul* (*masculus*), *barbar* (*barbarus*) и з. д. Но еще прежде паденія римской импе. рии, по отдѣльнымъ провинціямъ въ этой разговорной ларани явились разнообразности,¹⁾ козоримъ по чевоени множиь германскіи корни предсодало образованіе слѣдующіе языки: итал. *итальянскій*, испанскій, португалскій, провансалскій, французскій, румынскій и ретро-романскій (или курьовлашскій).

Испанскій языкъ по срезени близосери къ ларани за. никаерь взорое мнѣро или даме ближе къ ней, чамъ итал. *итальянскій*. Первые слѣди испанскаго языка изслѣдо. вазели указывають въ первой половинѣ VIII в.; старѣйшій изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ его относился къ 1155 году.²⁾ Языкъ басковъ не имель никакого вліянія на развитіе испанскаго языка. Нѣмецкій элементъ въ немъ медного силнѣй, чамъ въ итал. *итальянскомъ*. Араб.ское завоеваніе, ехерсвенно, внесло много арабскихъ словъ,

1) Визе св. Геронимъ говоритъ, что самая ларан *et regionibus* *quotidie mutatur et tempore.*

2) Авилесская грамота.

оставшихся въ исключительномъ владѣнн испанцевъ.
 Въ испанскомъ зри главныхъ диалекта: кагалонскій, или
 лигузисскій (ближайшій къ провансальскому, когда-то
 обладавшій богатой литературой), галиційскій и кастиль-
 скій, съ конца среднихъ вѣковъ сравнн обшнмъ лиге-
 зурнымъ языкомъ. На испанскомъ языкѣ говорятъ болѣе
 семнадцати миллионнъ жителей въ Европѣ и болѣе соро-
 ка тысячъ — въ южной и средней Америкѣ. Языкъ этотъ,
 образовался изъ латинскаго и близокъ кѣ нему, кѣмъ изда-
 янскій.

О зачаткахъ научной культуры
въ Испанн.

Наканунѣ арабскаго завоеванн научная культура,
 ра въ Испанн сходилла на довольно высокой степени:
Исидоръ Севильскій былъ, можетъ быть, образованнѣй-
 шимъ челоѣкомъ своего времени. Онъ сынъ знарнаго
 провинціала изъ Карфагенн, воспитанъ старшимъ сво-
 имъ братомъ Леандромъ, епископомъ Севильскимъ, по
 смерти котораго онъ и занялъ его кафедру. Современни-
 ки считали его челоѣмъ учености и красноречивъ. Самое
 важное его сочиненн, надъ которымъ онъ работалъ въ
 продолженн всей жизни — 20 книгъ „Этимологн“:
 это энциклопедн всѣхъ наукъ, въ которой каждая ст-
 дѣль начинается болѣе или менѣе дикою этимологн,
 ей гермина. Возвъ образчики: litterae estъ сокращенн

legitimas quod iter legendibus present vel quod in legendo
iterentur; apes dictas vel quod se pedibus invicem alli-
gent, vel pro eo, quod sine pedibus nascantur. — Небезно-
лезно указать на содержание 20^{ти} книг, чтобы
видеть весь объем знаний той эпохи. Первая 3 книги
посвящены 7 свободным искусстваам; 4-я медицина;
5-я изложение законов и краткой всеобщей истории;
6-я трактат о Библии и книгах; 7-я о небесной иерар-
хии; 8-я о церкви и сектах; здесь же говорится о фи-
лософских школах, сивиллах, магах и язовских
богах; 9-я о языках и народах; 10-я заключает
в себя дитериванско-гольско-этимологию разных слов;
11-я говорит о человечестве; 12-я о животных; 13-я о мире
и его частях (небо, воздух, вода, земля и пр.); 14-я о зем-
ле; 15-я о городах и зданиях; 16-я о камнях (с обо-
значением их тайных сил); 17-я о полеводстве; 18-я
о войтах и играх; 19-я о мореплавании и одах; 20-я
о пище, питье и домашней уваре. — Вся эта довольно
человечья компиляция из язовских и христианских
авторов слагалась великим источником мудрости
в средние века и особенной популярностью пользо-
валась в Англии Мендор Севилский с своим „Эти-
мологией“.

Из богословских сочинений Мендора упоминаем
„Sententiarum libri tres“ („3 книги изречений“) — учебник

догматики и морали, составленный изъ изречений австро-риецкихъ писателей; „Мнокогоридъ аллегоричъ св. Писания“, гдѣ раздѣляется аллегорическій смыслъ мизъ ветхаго заветъа и приусть новаго, и сочинение его „Противъ Юдеевъ“, равно переведенное на другіе языки. Мендору Севильскій умеръ въ 636 году.

Труды этого энциклопедичера, Мендора, вазики не только по отношению къ послѣдующимъ поколѣніямъ, но и потому, что они показывають высокое, сравнительно, по съ Галліей и Италіей, сосодное научной культуры въ Испаніи. Хотя эта культура носила землѣнный характеръ, зольно не менше въ Испаніи въ VII вѣкѣ обрѣзавалось нѣчто въ родѣ школы ученыхъ епископовъ, которые не вполне порвали съ преданіями античной мысли. Но глубокая ученость нѣсколькихъ десятиковъ духовныхъ, или писателей латинско-испанской церкви, не обусловливала общей культуры сѣраны и арабское завоеваніе и здѣсь положило конецъ этому землѣнному изрѣзанію науки.

Въ концѣ VII вѣка и до послѣднихъ десятиковъ VIII-го, въ Галліи, какъ недавно передовой сѣраны, единственное мѣсто литературной дѣятельности — монастыри; единственная культуривирчельный родъ литературы — мизъ связанъ, имѣющій нѣкозорое историческое значеніе, но внушающій оцент мало интереса историчеку мизе.

разури.

Производительная сила человеческого труда на время, поби-
диконы, ослабела, и в продолжении всего VII века
западная Европа погружена в глубокую умственную
спячку; научная традиция сохраняется только на Бри-
танских островах, в Ирландии и Англии. Научной и
поэзией занимаются только в отдаленной Британии и
отчасти в Уэльсе: в эти низомники и образовались
за помощниками Карла Великого.

Разделение предмета.

Начальный период истории испанской литературы можно
поделить на две части. К первой нужно отнести
эту эпоху народных эпических поэзии и прозы от древ-
нейших времен вплоть до царствования Карла V,¹⁾
ко второй — эпические эпохи подражательной, ког-
да, под влиянием провансальских и итальянских
образцов, испанская литература начинает больше
или меньше отдаляться от национального духа. Эти
две части будут выделены и составлять две периоды ум-
ственной жизни Испании, в которых выдвинулись
самая существенная и характернейшая часть испанской
литературы, сохраняемая ею и до наших дней.

В первом издании этого первого периода мы раз-
смотрим происхождение и характер этих эпических,
которые несомненно вы-

1) по Шиктору (Ист. испанск. лит. I. стр. 2)

росли на народной почве и почти незримо в гуще, землях влияния, это прежде всего — романсы. За ними последуют хроники, рыцарские романы, драмы народной литературы и т. п.¹⁾ Это первый период обилия, это собой история испанской литературы от начала письменности до первой половины царствования Карла V (1519—1556) или от конца XII столетия до начала XVI.

Старо-испанская поэзия.

I. Романсы.

В Испании, прежде книжной литературы, появилась поэзия. Популярная литература, вытекавшая непосредственно из энтузиазма, одушевленного всего масса испанского народа. Это произведение этой литературы принадлежат прежде всего романсы, или они, сагелская и лирическая поэзия с древнейших времен; ибо первоначально поэзия выразилась в форме баллады, или романса.

В самой Испании утвердилось мнение, что испанский баллада-романсы — подражание описательской и лирической арабской поэзии, господствовавшей здесь долго во всей южной Испании, и что формы этой романсов существовали в арабском мире, на востоке, еще до рождения Магомеда. Правда, не мудро, когда мы читаем у некоторых авторов (см. всемирной литер. II, стр. 575): „Так форма романсов, в которой явился первый народный произве-“

1) т. е. словесно, в значении смысле слова, что по-немецки называют „mündliche Literatur“, последующее начало испанской письменности, подана о Сидге;
2) обилие слов, так называемая книжная литература.

денія испанцевъ, принадлежишь маврамъ, и изобрѣзаетъ, лень ея сираецъ Мокдем-бен-Мааредъ, жившій въ X вѣкѣ". А. Шзерръ, будучи того мнѣнія, что и форма провансальской поэзіи первоначально заимствована у арабско-мавританской поэзіи соседней Испаніи, говоритъ: "Ближе провансальская поэзія была обязана своими формами не, нежели арабамъ, но естественнѣе, что культура и поэзія мавровъ оказали еще большее вліяніе на испанцевъ христіанскаго исповѣданія, которое, съ XI столѣтіемъ перешло въ касунаренское движеніе, имѣвшее исходными пунктами королевства арагонское и касульское, мало по малу снова завоевали себѣ всю Испанію. У мавровъ заимствовала первоначальная испанская ^{народная} поэзія и организующій ее наивный и вѣтхость великолѣпной по-эпическаго гонимъ, усвоенный въ касунаренскихъ жиднахъ романахъ". (Всеобщ. ист. литер. стр. 99).

Но все эти выводы находятъ закъ мало подверженъ деній въ надриникахъ письменности, что на нихъ особенно касунаренъ неслѣдъ. Ужне Арготе де Молина (Discurso sobre la Poesia Castellana, въ Conde Lucanor, Мадрид. 1575, 92 fol.) доказатель, что естественное испанское романсовъ — это испанское и въ испанскомъ языкѣ оно возростаеся ранѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ языкѣ изъ новѣйшихъ языковъ и только въ латинскомъ оно обладаеъ граціею, легкосерію и симвоіею, состав.

1) El Conde Lucanor, 1575. Discurso de la Poesia Castellana por Argote de Molina, fol. 93a.

ляющими характеристическую особенность испанского гения". Признать Арготе де Молина показываете, что стихосложение испанских романсов есть самое, что и осмысленный размер свойственный греческой, латинской, италъянскон и французской поэзи. Но един, сьветный примѣръ, которій онъ приводитъ въ доказа, тельство своего положенія это одъ Ронсара — „превое, ходнаго Ронсара", какъ онъ величаетъ его, — сьдѣланнаго въ 70 время во Франци на вершинѣ своей эфунески, ческой славы. Однако же одъ Ронсара не имать никого общаго съ дашуцими свободой и энергій испанскими романсами. Стихосложение, наиболье приближающее, ся къ размеру древнихъ испанскихъ романсовъ, безъ ма, лыйшаго измаленія подразмаетъ ену, вьсрочаеца въ не, болшомъ числѣ старинныхъ французскихъ фадльо, во „Храмѣ славы" Росара и въ нѣкоторыхъ стихозвореніяхъ Валетеръ-Скоуза.

Такъ или иначе, трудно не согласиться съ выво, домъ, сьдѣланнаго лѣтъ зрисуа и болъе назадъ Арготе де Молиното, наиболье прозорливнаго изъ старыхъ сьарин, ныхъ испанскихъ кризиковъ, что романси — чьего испан, ские и въ испанскомъ языкѣ они вьсрочаеца ранъе, чьомъ въ какомъ либо другомъ изъ новьшихъ языковъ и что сьарне изъ нихъ (романсовъ) сохранили намъ о прошломъ и послужили основой для болшей части

1) См. Odes de Ronsard, Paris, 1573. Т. II, pp. 62, 139.

древнихъ касимскихъ разказовъ, которыми пользовался король Альфонсъ въ своей исторіи.

Но не смотря на все это, не смотря на основания, подя изслѣдованій Аргюе де Молинсе, въ началѣ XIX столѣтія Конде высунулись со своей теоріей, повздорившему уже извѣстное старое мнѣніе, состоящее въ томъ, что испанскіе романсы, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, суть подразнаніе повѣствовательной и м. рической поэзіи арабовъ, которая, въ землѣ многихъ вѣковъ, господствовала на всемъ югѣ Испаніи и это самая форма испанскихъ романсовъ - арабскаго происхожденія и существовала на востоцкѣ въ Аравіи въ эпоху, предшествовавшую не только взорженію мавровъ въ Испанію, но и появленію Магомеда? Въ рукописномъ предисловіи къ сборнику, озаглавленному „Poesias Orientales traducidas por Jos. Ant. Conde“, оно выражается еще положительнѣе: „Срѣхословіеніе нашихъ касимскихъ романсовъ и seguidillas есть точный сколокъ съ арабскаго срѣхословіенія“. Далѣе оно прибавляетъ: „Съ самого дѣтства нашей поэзіи... мы слогали сѣхли разнѣрковъ, бывшихъ въ употребленіи у арабовъ еще во времена, предшествовавшія Корану.“ Возь выписка съ копіи рукописнаго предисловія къ сборнику поэмъ, сообщенной Птичкову самимъ Конде въ 1818 г. на испанскомъ языкѣ: „Desde la infancia

1) См. „Dominacion de los Arabos“ Tom I, Prólogo, pp. XVIII-XIX, и p. 169 и другія.

de nuestra poesia, desde los tiempos en que solo sabian es-
cribir los monges y los obispos, tenemos versos rimados
segun las reglas metricas usadas por las Arabes desde
tiempos anteriores al Alcoran". Такова теорія Кюнге и
ее раздѣляютъ много, между ними, какъ мы уже сви-
дали, и Гоголь и Шереръ и др.

Хотя историческія основы этой теоріи отчасти гово-
рять въ ея пользу, но еще весьма вѣскія причины не
соглашались съ нею. И уже черезъ тридцать летъ высту-
пилъ прозвѣтъ надъ американскій профессоръ, Джорджъ Мак-
коръ, ослѣпленный, превосходный знатокъ испанской куле-
туры и литературы. Еще ^{васило} въ 1848 г. были готовы все три
тона его капитальнаго труда, исторія испанской литера-
туры. Прасковья, другъ Шккоро, зоме ^{изъучившій} американскій уче-
ный, писалъ Шккору между прочимъ: "...не только ев-
ропейскія ученые, но и природные испанцы не пре-
станны обращать къ Вашей книгѣ, какъ къ самой
полной и правдивой исторіи испанскаго народнаго духа,
насколько отъ озраженъ въ литературнаго произве-
денія... Распространенъ литературный материалъ по
великимъ эпохамъ, посвященъ на себя яркія харак-
теристическія черты. Въ этомъ самомъ произвелъ яс-
ное впечатлѣніе на умъ читателя и связали умствен-
ное движеніе народа съ злыми измѣненіями въ по-
литическомъ и нравственномъ состояніи его, который

1) У арабовъ ^{и магометанъ} почти вовсе нѣтъ повѣствовательныхъ произведеній, поэти-
чески исключительно процвѣтала лирика, и нѣтъ вовсе романсовъ.

не могли не оказывать влияния и на литературу. Вы прекрасно выяснили основную и едва-ли не самую замечательную черту кашильской литературы — глубокий национальный характер ее, благодаря которому она занимает совершенно особое место среди европейских литератур, никогда не подвергавшихся столь сильному влиянию, которому она подвергалась. Наибольше интересны отрывки Вашего труда безспорно те, где Вы касаетесь таких общелитературных вопросов, как напр. вопрос о народных испанских романах, а равно также и главы, посвященные характеристике Лопе де Веги, Кальдерона и в особенности Сервантеса. Наиболее интересными для обыкновенного читателя покажутся подробные изыскания о малоизвестных иль взоросченемных писателях... Такъ Трескозго."

Книжка Ттикнора, вышедшая одновременно в Нью-Йорке и Лондоне в конце 1849 г., сразу создала шумную репутацию автора и заняла первое место в ряду сочинений, посвященных истории испанской литературы. Лучшие знаменитости испанской литературы во Европе Фердинандъ Валсгоръ, Фродъ, Фр. Шале и др. почитали ее серьезными рецензиями; а лица, которым она была послана своего кннгу, приедали ему восхор. степенныя благодарственныя письма. Возь это мессиду прочитыть писаль Ттикнору пресфарталой, но юмный

У См. и его разборъ труда Ттикнора, напечатанный в 1850 г. в North American Review.

духомъ и признаваемой главой романтической школы
испанскихъ поэтовъ, Лодовикъ Тикъ: „Въ своей жизни я не
мало прочелъ испанскихъ книгъ и имѣлъ дерзость еи.
заче себя въ число знающихъ испанской поэзи, но Ваша
книга совершенно присудила меня, потому, что изъ
нея я узналъ много совершенно неизвѣстнаго для меня.
Особенно новы и поучительны касиудя мнѣ главы, по,
свѣдѣнныя испанскими народными романсами.“ ..

Исторія испанской литературы составляетъ часть всей
научной дѣятельности Тиктора. Задуманная имъ еще
въ молодости, подъ вліяніемъ раннихъ испанскихъ
симпатій, во время его пребыванія въ Испаніи, она со,
зидалась въ ученіе многихъ людей; она была не разъ пред,
метомъ его университетскихъ лекцій и была окончена
въ 1848 году, когда ея автору шелъ уже 57 годъ. Она же
занимала собою его мысль и въ эмиграци; каждое новое
изданіе ея являлось въ зоркомъ свѣтѣ слова исправ,
ленности и дополненности; Экземпляръ ея до самой
смерти лежалъ у него на рабочемъ столѣ, и онъ еще,
тѣвнѣ испещрять его помя замѣтками и поправка,
ми, возникавшими по мѣрѣ болѣе глубокаго изученія
различныхъ фазалей и легшими въ основу первергаго
и послѣдняго изданія, вышедшаго уже послѣ его смер,
зи. Съ этого послѣдняго изданія М. М. Сорокинко пере,
велъ ее на русскій языкъ.

Второй Шикморь родился в 1791 г. в Босхонь
 в Соединенных Штатах. Отец его в молодости был
 директором Франклиновской школы в Босхонь. Второй
 Шикморь сначала был юристом, но вскоре навсегда
 покинул с юридической карьерой и решил по-
 свратить себя педагогической деятельности. Попалась ему
 под руку книга г-ни Свал о Германии, заключаю-
 щая в себе ксеру прогимн воспитанник пансиона
 немецкой науки, а отню приезд, живший в Геттинген,
 геть, сообщил ему так много хорошего о Геттинген,
 сколько университет, что он решился ехать туда докан-
 чивать свое образование, предварительно изучив немец-
 кий язык и совершив путешествие по родным. Шик-
 морь отправился в Европу. В мае 1815 г. он при-
 был в Англию. Благодаря рекомендательному пись-
 му, Шикморь был введен в избраннейший литератур-
 ный кружок. Здесь он имел случай видеть Гамлана,
 Дизраэли, лорда Байрона и др. Английские литераторы
 встретили в высшей степени дружелюбно молодого
 и любознательного американца. Шикморь оставил Лон-
 дон в сопровождении своего американского друга Эве-
 ретта, затем направлявшегося в Геттинген. Геттинген-
 ский университет создал в то время во главе герман-
 ских университетов. Здесь Шикморь имел случай по-
 знакомиться с знаменитыми филологами Германии

Вольфортъ, привозившийся заниматься въ богословской Библии, оъектъ Гейдлингенскаго университета. Штикморъ оставался въ Гейдлингене больше полутора года. Въ сентябрь 1816г. отъ, пользуясь меценатскими ваканціями, сдѣлалъ путешествіе по северной Германіи. Онъ посетилъ Лейпцигъ, Дрезденъ, Берлинъ и возвратился черезъ Галле и Веймаръ. По прибытіи въ Гейдлингенъ, Штикморъ былъ одрадованъ предложеніи извѣстными изъ Америки: ему предлагали кафедру иностраннаго языка въ Harvard College, въ Кембриджѣ. Хотя Штикмору весьма хотелось подобное предложеніе изъ лучшаго изъ американскихъ университетовъ, однако онъ отнесся къ нему съ рѣшительностію въ двадцатипятилетнемъ почтѣ разсудительности, отъ: онъ подавилъ порывъ нахлынувшего гурьба и обсудивъ дело со всѣхъ сторонъ озлошилъ отъ до будущаго года. Только годъ спустя изъ Рима онъ далъ свое согласіе. Между темъ въ виду предложенія Кэмбриджскаго университета такъ его путешествіе длилось было нѣсколько измѣнилось. Онъ рѣшилъ остаться въ Лейпцигѣ полутора года въ званіи, тогда посетилъ Испанію и занялся испанскими языками и литературою.

Изъ Гейдлингена черезъ Франкфуртъ, Гейделсбергъ и Страсбургъ Штикморъ направился въ Парижъ. По дорогѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько ^{интересныхъ} знакомствъ. Во Франкфуртѣ

отъ познакомился съ Фридрихомъ Шлегелемъ, въ Тей, делбюргъ сошелся со старикомъ Фоссомъ и оставилъ оца, ровязельное описание идиллической жизни, козорубель въ згозь престарѣлой друзь Клонизока, переводчикъ Шекспира, и Арисофана.

Въ Паризь Шикморъ повель здодовро Теуриген, скую жизнь, въ раннего зфра брала уроки старо-французского и италъянскаго языковъ, работала въ библїю, ожекала и постъжала лекциѣ въ Collège de France. Зо болло какъ разъ въ зо время какъ меобакновенно пошулярной Вильмзъ гизала свой знаменитый курсъ по исторїи французской литературы XVIII в. Въ сало, нѣ-госкуинной зми Срамъ Шикморъ безрвзвилъ самое блесящее обществое Париза: курсъ били и литературное знаменитосци въ родѣ Г. Консрана, В. Гумбольдта, Шафо, бриана, Шлегеля и дипломатическіе, въ родѣ русскаго посланника при французскомъ дворѣ Поццо ди-Торго и свгозскіе, въ родѣ м-нѣ Рекамсе, сохранившей на своемъ лицѣ слѣды своей некогда дивной красокъ.

Льзоль все знакомые Шикмора развѣхались по дачамъ и помѣстьямъ, а 2-го септѣбря 1817г. отъ салы покинулъ столицу Франциѣ и черезъ Менеу, Анланъ и Венецию направилъ въ Римъ. Здѣсь отъ мнѣль аудїенцию у папы и присузуевовалъ на праздникъ, узроститалъ итальянкой колонїей въ палатѣ трехъ.

сознательно подбил сознаний панской Булле Люхеровъ;
 отъ познакомился съ Нибурово, тогдашнимъ послан-
 никомъ при панской куріи и съ семействомъ Бонапар,
 зовъ и з. д. Изъ русскихъ, проживавшихъ въ это время въ
 Римъ, отъ бывающъ у адмирала Ушагова, герод 1812 го.
 да. Замѣчая въ Римъ тѣмъ ценнымъ и по происшествіи
 нѣзю мѣсяцевъ Пикпора отправился въ Испанію.

Въ началѣ мая 1818 г., высадившись въ Барселонъ,
 отъ былъ еще на пути въ Мадридъ. Въ это время пу-
 земство по Испаніи было въ некоемъ родѣ подви-
 гамъ: дороги были оубраженныя, госпитали не суще-
 ствовало вовсе, и пуземственикамъ приходилось ноче-
 вать въ лагузахъ на грязной саломѣ и, конечно, не раз-
 двѣдаясь. Правительство схраны было такъ же дурно, какъ
 и дороги; картина общественихъ порядковъ Испаніи
 нарисована въ писемѣ Пикпора жирными черными
 красками, что кажутся почти не выродимой. Король
 издаеъ указы, но никто, какия съ правительственихъ
 агенцовъ, не думаеъ ихъ исполняеъ; правительство декре-
 тиреъ налоги, но оно спугаеъ себя какъ слывымъ, если
 въ казну попадеъ зреть каеъ ихъ. Подкупъ и взятки,
 нисево царствующъ всоду, и правительство само подаеъ
 примѣръ злоупредленій, оужрего зоруд мѣсяами, обла-
 гая налогомъ право бытъ рехидоромъ и з. п. Во всякой
 другой схранѣ - замѣчаеъ Пикпора - подобная легализи.

1) Рехидоръ — мелкій муниципальный чиновникъ, чьего въ
 родѣ волосного схраны.

рованная злоупотребленія не замедлили бы вызвать эту,
 лучшую революцію, но религиозной и преданной своимъ
 государству испанскій народъ доволъствуется пассивными
 сопротивленіями власти; платитъ въ excessе taxes налоговъ
 и возмущается въ отдалку съ продажными чиновниками,
 которые за извѣстную плату охотно ограбляютъ его въ
 покои. Высшее общество Мадрида не представляло для
 Тинкнора большого интереса; но его словамъ, это было
 собраніе людей, мало образованныхъ, едва усвоившихъ
 себѣ европейскій лоскъ и въ форму еще преданныхъ азра-
 кой истре, составлявшихъ неперемѣнную принадлежность
 всякаго Society. Но если американскаго музея съобщили,
 какъ возмущались общественные порядки Испаніи и не
 удовлетворяло высшее общество, то его вполне прими-
 рили съ такою просою народъ, сродившій въ сторонѣ отъ
 общей заразы и сохранившій въ своемъ бытѣ и харак-
 терѣ много оригинальныхъ и симпатичныхъ чертъ. Ма-
 ло склонный къ увлеченію, Тинкноръ по временамъ
 впадаетъ въ иризмъ, когда ему приходится говорить
 о національномъ характерѣ испанцевъ. Никогда онъ
 не возрощалъ такого радужія и гостеприимства, такой
 modestности и вънимательности, соединенной съ губерновъ
 содѣвательнаго докоумента; все это вытекаетъ съ оригиналь-
 ностью и поэтическими caloribus самой жизни навсѣ-
 да привязало его къ Испаніи. „Повѣривъ ли вы — пишете

История старо-испанской поэзии в XI ст.

они кь своему другу Каммингу изь Мадрида — то ро, то кастиелья романтической выдумкой вь другихь странахь, здесь сьхатовицья фракуаль и что во всемо, что касаеть нравовь и обычаевь испанцевь, Сорбанцесь и Лессасиь — самые доисховьтвенные историки Местанин. Перебравшиес черезь Пириней, вы убеждаеть себя перенесенными не только вь другую страну, но даже вь другую эпоху, но крайней мерь на два века назадь, вы кь удивлению находите, что народь продолжаеть здесь всеи поэзии, скую жизнь, о козрой вы не мыслеть помянуть. Паску, теский быль, напр. можно наблюдать до сихь порь во многихь частяхь Местанин. Возвращаясь доной вечеромь, я каждый разь встретьаю группы ремесленниковь, там, изумляющихь подь звуки флейць и каскамбеховь свои тан., боистенные национальные танцы, а по ночамь мы не разь случаемь видать молодого человека сь гитарой вь рукахь, изливающего передь балкономь своей возлюб., лемной своей любови и свои сьраданий.

Тезерехмельсятого пребывания вь Мадридъ было до сьзачомо для Пиктора, что вь вполне усвоить себя испанский языкь. Саслуливый случай послать ему вь руко. водителю такого знаменья испанской сьарины и народ. поэзии, какь Конде, козрой есмедневно занимался сь сь лишь Языккомь, гитарь испанскихь классиковь и т. п. ¹⁾ Запасишес книгами по истории испанской лиры.

¹⁾ Это разь же ськой Конде, сь зорией о романсаяхь козорого на цие ознакомилис.

зура, которую онъ тогда уже задумалъ съдѣлать предле-
 женью своимъ лекціи, Шикморъ вѣтхалъ изъ Мадрида
 на югъ Испаніи, на которе вѣдалъ прообразъ орудія въ
 Португалію. Пудемезубіе по югу Испаніи было въ то
 время не собственно безопасно: земская полиція была
 плохо организована и бездѣйствовала, а правитель-
 ственно-организованная разбойничья шайка преспокойно
 разгуливали по сѣрамъ, наводя ужасъ на жителей.
 Въ виду всего этого Шикморъ скель за лучшее ѣхать
 не въ почтовую дилижансетъ, но примкнувъ къ ка-
 купеческому каравану, и заимъ образомъ совершилъ
 пудемезубіе изъ Гранады въ Малагу. Орудіи некогда
 славною мабризанскою цивилизаціи не могли не при-
 влечь его вниманія, и онъ посвящаеъ нѣсколко
 прекрасныхъ сѣрамъ описанію палатокъ маб-
 ризанской архитектуры. Гранадскій архіепископъ удивилъ
 его ~~изъ Севильи въ Мисадонъ Шикморъ не рѣшилъ~~
 ѣхать какъ роскошно своего исунно-царскаго приѣма,
 такъ и своимъ колоссальнымъ пудемезубамъ. Желая
 похвастаться передъ своимъ ученымъ обществомъ сокровища-
 ми своей библіотеки, добродушнымъ преледъ пресерседо
 утвердилъ Шикмора, что въ числѣ ея драгоценностей
 находится между прочимъ автографы всѣхъ пророковъ
 и апостоловъ, до сихъ поръ производяще гудеса.

Изъ Севильи въ Мисадонъ Шикморъ не рѣшилъ

шла съ стороны дороги на Бадахосъ, но по совету моихъ
 братьевъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи кон-
 трабандисовъ, которые за небольшую сумму взяли себѣ
 право его перевезти въ Португалію. Въ назначенный
 день двое изъ нихъ съ двумя запасными мулами открыто
 явились въ городъ, въ госпиталь, гдѣ жилъ Тикторъ
 и, захвативъ съ собою его и его багажъ, направились въ
 горы. Мы доследили — рассказывающъ Тикторъ — на закатѣ
 солнца ищелся, гдѣ расположились лагеремъ контрабанд-
 дисы. Всего ихъ было двадцать восемь человѣкъ при
 сорока мулахъ. Изъ были brave молодые, вооруженные
 ружьями, пистолетами и саблями. Одни изъ нихъ распо-
 ложились группами подъ тѣнью громаднаго пробкова-
 го дерева, другіе сѣли вокругъ огня и готовили ужинъ.
 Мне не стоило большого труда примароваться къ нимъ
 привычками: расстлалъ свое одеяло, я расположился
 на немъ какъ дома, тѣмъ за двойнью и спалъ самымъ без-
 печно и спокойно, какъ храбрѣйшій изъ нихъ. На дру-
 гой день я уже былъ съ ними на корожкѣ ногъ, а все
 дневное путешествие по мало-протѣзаннѣмъ дорожкамъ,
 съ удивительными отъходами всякихъ населенныхъ мѣстъ,
 установило между мною и моими добрыми и вторыми
 проводниками особаго рода дружбу. Двое изъ нихъ, отъ
 природы одаренные далеко не джоннинами способно,
 судьи, познавшими мѣня съ принципами мѣнъ asso,

изации и съ своими религиозными и политическими убоими делами, находившимися въ связи съ ихъ социальными положеніями. Разговоры съ ними были почти главнѣйшѣмъ развлеченіемъ, и хотя мнѣся, черезъ козорья мѣ прощались, были печальны и пусуалны, но я рѣдко прова, дилъ какъ весело недѣлю, какъ въ это восьми-дневное путешествие. Новое положеніе и необходимость всего видѣннаго очень нравились мнѣ: спать подъ открытымъ небомъ, обѣдать подъ зѣмлемо деревьями, сидѣть на друиеской ногѣ съ модями, съодичивши выть закона и риску, пощипки ежедневна бытъ разсудительными, либо по, вѣщественными, словами, всели въ продолженіе этой недѣли жизнь кожевого араба или мамелюка — все это вѣнать вздыло свучило скоро вселить въ могоду, ту же веселую безмятежность, козорого ошлгалмел мои спужники. Короче, я былъ веселъ всю дорогу, и она не показала мнѣ длинна. Достигнувъ границъ Португаліи, я съ особеннымъ чувствомъ проснулся съ адик, съвенной въ мнѣ суратой, гдѣ покровительсва кон. драбандиевъ гораздо предпочтительнее покровительсва съва законовъ правительсва, съ козорьями они вразидуютъ?

Изъ Португаліи нашъ путешественникъ уѣхалъ по шоссе въ мнѣсца и мнѣ его снова видѣлъ въ Пари, мнѣ. Въ январѣ 1819 г. Пликторъ перебрался въ Лондонъ.

— Из Лондона он съехалъ экскурсиво въ Шоуламидо и провёл два очаровательныхъ дня въ замкѣ Валсгеръ-Скоуза. Въ Эдинбургѣ онъ получилъ гусеницу вѣстца о кончинѣ нѣкоторо-людиной мадери. Сообщая ему эту вѣсть, отецъ просилъ его возвратиться домой вскрой, такъ какъ весьма малочисленъ время для такого дальняго переезда. Затѣмъ въ Лондонъ, чтобы просидѣть съ придѣльями, Ттикнора въ апрѣлѣ съѣхалъ въ Ливерпуль на корабль, который посылать четырёхлѣтняго оуцурвѣдъ голштенъ былъ доставить его въ Анкерку.

Отецъ имѣлъ полное право гордиться такимъ сыномъ. Снегемаринскій замѣръ развилъ его умъ и расширилъ сферу его умственаго созерцанія; общеніе съ великими чинами міра придавало еще больше возвышенности его идеаламъ; мори, ду жель сердце его осмелѣло такимъ же чуждымъ какъ и преемде, сохранило эту же дѣтскую вѣру въ Бога, ужъ же любовь къ семье, родителю и друзьямъ. Вскорѣ послѣдовало оффициальное назначеніе его профессоромъ французской и испанской литературы въ Harvard College, а нѣсколькочасовъ спустя при многочисленномъ собраніи публики онъ прочелъ съ большимъ успѣхомъ свою вступительную лекцію объ одичелъ Характерѣ испанской литературы. Канерачтенія Ттикнора была скорѣе нѣмецкая, чѣмъ французская (хоть онъ и чизалъ бѣзъ зѣрради); помыкъ слышанное имъ оуъ Теде замѣчаніе, что краснорѣчіе ослѣтляеть, но не

научаясь, онъ не старался порадовать своихъ слушателей тор-
фектными фразами или блестящими парадоксальными
идеями; изложение его имело характеръ суровой, спокой-
ной, исторический, хотя и не лишено было изящества.

Ознакомившись ближе образомъ немногихъ со схранено
и любими романсовъ, ознакомившись съ лучшимъ зна-
комъ испанской литературы, мы можемъ опять образуми-
ся послать этой экскурсiи къ разсмотрѣнiю испанскихъ
романсовъ.

Они не арабскаго, но народнаго происхожденiя.

Такой результатъ изслѣдованiй Пиккора. Онъ гово-
ритъ: „ Въ самомъ дѣлѣ древнѣйшiе романы Испанiи
~~тобы нѣтъ то именно и долина поди рывъ~~ не носятъ
на себѣ никакихъ признаковъ подразделенной литера-
туры. Ни для одного изъ нихъ, не было найдено до сихъ
поръ арабскiй подлинникъ; ни въ одномъ изъ нихъ
мы не находимъ ни цѣльнаго пассажа, ни какой ли-
бо цѣльной фразы, заимствованной у арабскихъ писате-
лей. Магрозивъ свобода, энергiя, христіанскiй духъ и
рыцарская вѣрность, которыхъ они проникли, об-
наруживаютъ такую оригинальность и самостоятельность,
что съ зрѣдостью вѣрится, будто бы они могли бытъ бытъ
либо обладать блестящей, но изысканной литературой
народа, съ которыхъ Испанцы брадовали неумолимо
съ самаго появленiя его въ Европѣ и въ продолженiи

многих вѣковъ. Такимъ образомъ, въ силу собственной своей природы романсы эти должны быть на сколько оригинальны, насколько оригинальна и всякая другая поэзія новыхъ вѣременъ; въ самихъ себѣ они заключаютъ доказательство того, что они родились въ Испаніи и отъ испанскихъ весьма особенныхъ родной почвы. Долго спустя послѣ перваго своего появленія они упорно сохраняютъ въ себѣ все тѣ же національныя элементы, такъ что почти до самаго паденія Гренады, мы не находимъ ни въ одной изъ нихъ ни маврскаго тона, ни маврскаго содержания, ни маврскихъ приключеній, — словомъ, никакъ, что оправдывало бы гипотезу, будто эти романсы были, же обязаны арабской цивилизаціи, тѣмъ какой либо другой отдѣломъ испанской литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ основаній искажъ на Востокахъ или еще вѣдъ-мѣдѣв, формы испанскихъ романсовъ. Мѣло метрическое строеніе до того простое, что мы безъ труда можемъ повѣрить, что оно явилось само собою, лишь только потребность въ стихотворной рѣчи была почувствована народомъ. Они состоятъ изъ восьми-слогныхъ стиховъ, также легко слагаемыхъ на кастильскомъ какъ и на другихъ нарѣчіяхъ; для старыхъ романсовъ эта форма еще легче, потому что въ нихъ не очень строго соблюдается число слоговъ въ каждой строкѣ. Иногда, хотя рѣдко, романсы эти дѣлятся на страсы или строфы въ четыре

срочки, называемая *redondillas*, въ козорилье, какъ и въ свансахъ новѣйшей поэзіи, второй сурь ривнується съ герверилье и первый съ герверилье въ каждой срочкѣ.¹⁾ Ихъ характерную особенность, единственную, козорою они передали болѣе или менѣе произведеній испанской поэзіи, и козорою ихъ не находимъ ни въ какой другой литературе, можно сказать это національной и, следовательно, она должна имѣть особое значеніе въ исторіи поэтическаго развитія испанской литературы.

Срало. даце, въ древнѣйшихъ испанскихъ романахъ вовсе не замѣтно характера подраздѣльной литературы. Романъ есть главная, самая распространенная форма испанской національной поэзіи и единственная стихотворная форма народнаго эпического творчества. Все, что находимъ, напр. у насъ-русскихъ, въ романѣ въ формѣ баллады, исторической пьесы и духовнаго сужа, у Лувьева и Лавиней въ формѣ даймы, и многое другое, что у насъ часто вовсе не находимъ выраженія въ формѣ сужа, а именно сюжеты книги, мые, не утѣвние, ^{какъ говорится,} устарѣлись (какъ говорится А. М. Киршичкова) — все это въ Испаніи находимъ себѣ въ романѣ въ романѣ-пьесѣ, недочетной по объему, эпической по содержанию, полу-лирической по формѣ, убоженной въ очень удобную и распространенную метрическую

¹⁾ См. законъ Ренжифо, "Arte Poetica" изд. 1727, р. 15 и слѣд.

схему. Схима романса восьми-словной, но эти восемь слоговъ могутъ сокращаться до шести и расширяться до 9 и 10 слоговъ; рима, звукая рима (чрезвычайно облегчаемая музыкальностью языка) съ охотою допускаетъ, съ, но охотою не составляетъ необходимости и болышею частью замыкается ассонансомъ, который тоже не составляетъ необходимости; схима съ ассонансомъ перемѣна, ны иногда на половину, а иногда и болыше, въ схима, ми болыши. X

Но особенное въ нихъ, мнѣвшая вліяніе на болышую часть національныхъ поэтическихъ произведений испанцевъ, и гитро испанская, это — ассонансъ, однокоръ, гіе или созвучіе, составляющее важное одеждательство въ теоріи нхъ поэтической образованности. Ассонансъ — родъ неполной рими, которая ограничивается гласны, ми буквами и начинается съ того слога, который мнѣ, ерь на себѣ въ схимѣ последнее удареніе. Такими образомъ рима этого рода иногда и ограничивается по, слѣднимъ слогомъ, напр. *feroz* и *finot*, а иногда всерь, гаеря въ предпоследнемъ слогѣ, напр. *caza* и *авікса*, и даже въ срединѣ оръ конца, напр. *infantia* и *con, traria*. Это все — хорошия ассонансы, точно также, напр. *mal* и *deséal*, *volante* и *casáre* — хорошия сонорансы. Далые, ассонансы суть нечто среднее между нами, ми болыши и римованными схимами; искусство

употреблять их ^{как} легко заезды въ касуильскомъ языке, изобилующемъ гласными, всегда многоими неизмѣнны, кое произношение, что въ сфарыяхъ романсахъ тако однимъ и зоръ еще ассонансъ проходить все срифловореніе, короз, ко оно или длинно. Но не смотря на то, форма роман, совъ какъ проза, что Саркиендо въдлея даме показатъ, какимъ образомъ испанская ^{проза} въ эпоху до XII вѣка тако писалась, конечно безсознательно, восстимелозимыми ассонансами,¹⁾ и Ступельведа, въ XVI столѣтіи, перело, жимъ знаменитые оуравки сфарыхъ хроникъ въ этовъ раздѣлѣ романсовъ, съ небольшимъ измѣненіемъ ффра, геологій подлинниковъ.²⁾ Эти два ффра неоспоримо до, казываютъ, что между обыкновенного испанского про, зото и первоначального формого испанского срифла очень небольшое раздѣленіе. Если мы къ этому прибавимъ еще національный режизивъ, когоримъ романсы пѣ, лисъ и поюхъ до нашихъ дней, и національные замцы, когорими они сопровождалисъ,³⁾ то, безъ сомнѣній, удѣ, димся въ томъ, что форма испанскаго романа такъ же національна по своему происхожденію, какъ ла, фразеризующій его ассонансъ и что форма эта на практикѣ удобнѣе всякой другой формы народной по, зин древнихъ и новыхъ вѣмевъ.

Такая естественная муринская форма едѣлааетъ удобнѣе въ оудаленнѣйшей эпохи. Изъ романа она

1) Poesia de Ruyter, Madrid, 1775, in - 4to, sec. 422 - 430.

2) Romances, Anvers, 1551.

3) Dumas, "Romances Caballarescos". Madrid, 1832. Folio T. I. pp. XVI, XVII и XXXV, прилтох. 14. - Ср. нѣтънзкій переводъ Испанской исторіи мифа, жури Шикнора, Паламийнъ Шилеовъ Т. II, с. 504, 505.

скоро перешла въ другія озрали національной поэзии и въ особенности въ поэзію лирическую. Въ позднѣйшую эпоху испанско-испанская драма болѣе всего основана на ней, а передъ концомъ XVII столѣтія разнѣрность романсовъ написано болѣе стиховъ, нежели какъ имъ. Бо имамъ, упомянутымъ въ Испаніи. Лопе де Вега объявилъ, что разнѣръ этой годицей для всякаго рода произведеній, даже для самаго серьезнаго. Сужденіе его было закономъ для современниковъ и оправдано въ наше время удачнымъ употребленіемъ этой особенной формы стиха въ длинныхъ эпическихъ поэмахъ. Такимъ образомъ восьмисложный ассонансъ входитъ имамъ во весь родъ испанской поэзии, и даже какъ отъ себя въ самое начало главнѣйшій ея элементъ, то можно утверждать, что ^{они} будущъ существовать до зѣль поръ, пока будущъ развѣ, ваясь оригинальная сторона національнаго испанскаго гениа.

Нѣкоторые изъ романсовъ, заключенныхъ въ эту ка, сибскую мѣру, сочтены въ глубокой древности. Самое названіе имъ — романсы, показывающъ, что они были имъ. когда единственнѣйшій родъ стихотвореній на романскомъ языкѣ Испаніи и что они непосредственно служили за образованіемъ самаго языка. Народная поэзія, воспѣвавшая подвиги Сиды еще около 1147 года, имѣла, по всей вѣроятности, форму романсовъ. Но трудно

ранге половины XVI века найди романсы, принадлежа-
 щие какому-либо известному автору: сочинители и
 время сочинения почти всех романсов этого периода
 неизвестны; а между тем в промежуток времени
 от первого появления стиха в Испании до той поры,
 когда стали слыхать о существовании гряды записывание ро-
 мансовъ, было сочинено около тысячи поэмы различной
 величины и различного достоинства. Вся эта громад-
 ная масса стихотворений, попавшая въ Romanceros de
 печатъ и другія сборники, сдѣлалась озеромъ
 общей умственной физиономии испанскаго народа
 съ его губернами, нравами и характеромъ.

Первоначальные народныя романсы - баллады долго
 существовали только въ пѣньи просодиковъ, ихъ
 произведшихъ, и были обязаны своимъ сохраненіемъ,
 въ зѣніе - продолженіе многихъ вѣковъ, только тому
 интересу и губервану, когорые ихъ произвели. По-
 этому нельзя опредѣлить время ихъ сочиненія съ до-
 сраочного вѣроятностью. Безыскусственныя стихотворе-
 ния переходили въ другое поколѣніе, посредствомъ
 зѣль, когорые повзрѣли ихъ по пѣньи, переимѣня
 ихъ зѣль и зѣль съ измѣнявшимся взглядомъ на
 время и происшествія, о когорыхъ въ нихъ упомина-
 лось.

Но нѣтъ сомнѣній, что мы обладаемъ известными

количественно народных романсов, которые с легкостью
 извлекаются в простую мысль и мелодию, должны
 быть применены к первоначальнейшим проявлениям,
 являясь этого народного энтузиазма, который с XII по XV
 столетие поддерживал испанцев в их борьбе за
 освобождение родины. Романсы эти — как вообще на,
 родившиеся в долине Сиерра-Морена
 или на берегах Пури и Твадалквивира, на долине Яда,
 кто, который впоследствии сделался господствующим
 на всем полуострове. Но праздный человек, искав-
 ший во эту сумрачную времена неведомого кусочка хля-
 ба, переходя из одной хижинки в другую или беззабоу-
 ный солдат, воспевавший, после битвы, свои подвиги,
 под звуки гитары у своей палатки, конечно не могли
 думать о будущем, так что если эти безыскусствен-
 ные сочинения дошли до нас, то только благодаря
 рьяным, запомнившим эти старинные песни и пев-
 шим их на память, любящим их тон и язык, сообраз-
 но с извлеченными — как уже сказано — взглядами
 на события, о которых говорилось в этих песнях. Такими
 образом, все, что относится к первоначальной эпохе
 народной словесности, тесно связано с незаписанным
 в летописях жизнью народа, создавшим старинные
 песни; и хотя искусство происшедших за ними
 образом романсов и дошло до нас, но, без сомнения,

ний, гораздо больше ихъ потребно навыки, вытѣсьна въ поэтическии сердцами, козоровъ иль произвели.

Въ этомъ и заключаеся главная трудность изслѣдованій какъ всякой народнои словесности, такъ и старинныхъ испанскихъ романсовъ. По возмущеніе испанскаго народнаго духа, козоровъ породило иль, было резульгатовъ эпохи насилій и смурь, а съ прекращеніемъ его исчезло желаніе иль иль сохраненіемъ на письмѣ. Поэма, посвященнаго воспѣванію одной личности, какъ напр. 'Поэма о Сидѣ', и произведенія индивидуалнаго зворжесзвѣ, каковы напр. срихозвореній пресвигера Гижскаго или Дотъ Луанъ Мануэля, болше заслуживали сохраненія, иль народная поэзія. Какъ и у другихъ народовъ, народная поэзія находилась въ полновѣ медрженіи. Даше и въ послѣдствіи, при корольо Иоаннѣ II, когда стали входитъ въ моду такъ называемая Санціонетос, специальныи сборники срихозвореній, содержаніе и характеръ козоровъ вполнѣ зависели отъ вкуса и усмотрѣній собираелей, даше въ то время искаженныи современныи вкусомъ до того пренебреженіи, зельно относился къ старинному народному зворжесзвѣ, то мы во вѣсьль зрѣль сборникаль не находиль ни одного романса. Заключательно, что ни въ одной старинной рукописи не встрѣчаеся ничего похожаго на собраніе романсовъ. Они были записаны, согитены или обрабо-

таные поэзии; словомъ, съ ними поступали такими же образомъ, какъ Томасъ Перси (около 1765 г.) и Вальтеръ Скоттъ обращались впоследствии съ англійскими и шотландскими балладами. Первый собралъ старо-англійскія баллады и пьески (The reliques of ancient english poetry), второй издалъ „Пограничныя баллады“ (Minstrelsy of the scottish border). Оба безъ строгой критики.

Узакъ приходится обращаться къ романсамъ, впер-
вые напечатаннымъ въ первомъ изданіи Сансионера
Генералъ, составленномъ Фернандо дель Касуильо и издан-
номъ въ Валенсіи, въ 1511 году. Словами Сансионъ, Сан-
зонъ, Шансонъ, на романскомъ языкѣ первоначально обо-
значались все роды поэтическихъ произведеній, ибо вся-
кое стихотвореніе или почти всякое обиховенное по-
люе.¹⁾ Потому также, на испанскомъ языкѣ, Сансионера
долго служило для обозначенія сборника стихотвореній
— одного автора или нѣсколькихъ безразлично. Донынѣ
Тайдмось говоритъ, что онъ нашелъ въ одномъ руко-
писномъ Сансионера романсѣ Куййгас или Бстийгас
и три или четыре романса въ Сансионера Мардинеса
де Бургоше.²⁾ Число романсовъ, въ первомъ изданіи Сан-
сионера Генералъ, вѣтъ съ озрывками и подразделениями,
достигаетъ до тридцати семи. Слѣдуетъ замечать, что око-
ло двадцати ихъ находилъ также въ Сансионера Нонъ,
сранцузскія,³⁾ а эрозъ Сансионера, не помеченный годомъ, ^{однако онъ} былъ

1) См. Giovanni Galvani, Poesia dei Trovatori, Modena, 1829, p. 29.

2) См. Книгу Тикнора въ переводѣ Тайдмось vol. I, 1851, p. 509.

3) См. гл. XXIII первого тома книги Тикнора, гдѣ французскія о-
бстоятъ сборника романсовъ.

по всей въроятности издавъ нѣсколькими годами ра,
 нтъ Сансионго Генерал. Но мы ничего не слышали
 о Сансионго Консудантинъ, тогда какъ (этого времени На,
 сурьбо входить въ славу стоими Сансионего. И такъ во
 всякомъ случаѣ мы не имѣемъ романсовъ, написанныхъ
 ранѣе 1511г. Деваданага изъ нихъ принадлежатъ авторамъ,
 имена которыхъ намъ извѣсны и известны, какъ напр.
 Донъ Хуанъ Мануэлъ португальскій, Алонзо изъ Кар,
 запеты, Хуанъ дель Энзина и Диего Санъ-Педро, про,
 славились въ эпоху между 1450 и 1500 годами; и такъ,
 какъ напр. Лопе де Соза, подвѣнущая часть въ сборникъ.
 какъ XVI столѣтій. Изъ оцаломныхъ романсовъ нѣко,
 горше кажутся гораздо болѣе древними.

Первый изъ нихъ, Romance del Conde Claros (ро,
 манск о графѣ Кларосѣ), есть отрывокъ другого болѣе древ,
 него романа, который впоследствии былъ издавъ впол,
 нтъ. Онъ попалъ въ Сансионго Генерал во первыйъ, бла,
 годаря глоссъ, сгаразельно написанной на провансалъ,
 скій манеръ Франциско де Леонель, во взорныхъ, благода,
 рѣ Жюль, что ему подражалъ Лопе де Соза и наконецъ,
 благодаря объясненій въ на это подражаніе, примадметна,
 измѣлъ меру Сорія. Въ эти произведенія слѣдующаго друга
 за другомъ, не оставляя никакого сомнѣнія о Жюль, что
 самый романскъ пользовался болѣе популяроуостью
 и почетомъ. Въ отрывокъ его, помѣщенный въ Сансионго Генерал:²⁾

1) Дюрантъ (въ своемъ Романоето Генерал, Том II, 1851, pp. 679 и 680) сдѣлалъ
 лучшее описаніе ихъ.

2) Сл. и издавъ 1535 года, мѣся 106а.

„Я скорбел о васъ, графъ, потому
 что васъ хотѣлъ предать смерти,
 между зѣвъ какъ прощупокъ, совершенный вали,
 не есть большое преступленіе. —
 Любовные прощупки досройны прощупий. —
 Я умолялъ короля за васъ,
 чтобы онъ приказалъ освободить васъ,
 но король, очень раздосадованный,
 не хотѣлъ меня выслушать и т. д.“

Pesame de vos, el Conde,
 Porque assi os quixeron matar
 Porque el yerro que resistes
 No fue mucho de culpar;
 Que los yerro por amores
 Dignos son de perdonar.
 Suplique por vos al Rey,
 Cos mandasse de librar;
 Mas el Rey, con gran enojo
 No me quisiera escuchar etc.

Я скорбел о васъ, графъ,
 Потому что васъ хотѣлъ предать смерти,
 между зѣвъ какъ прощупокъ, совершенный вали,
 Не есть большое преступленіе;
 Любовные прощупки досройны прощупий
 Досройны прощупий.
 Я умолялъ короля за васъ.
 Чтобы онъ приказалъ освободить васъ,
 Но король, очень раздосадованный,
 Не хотѣлъ меня выслушать...

Отрывокъ этого, любовный самъ по себѣ, соедоу изъ
 разговора графа Клароса и его дяди архиепископа; содер-
 жание и тонъ этого разговора содѣлалъ изъ графа Клароса
 зинъ вѣрнаго любовника. Весь этотъ романъ съ раз-
 шитыми вариантами переведеннаго мною находится
 въ Cancionero de Romances, Zaragoza, 1550, Parte II, fol. 188.

Онъ напоминаетъ: „Media noche era por hilo“ и по этому его начальному смыслу видно, что онъ былъ сочиненъ еще до изобретения часовъ. Приключенія графа Клароса, какъ и многихъ другихъ, рассказанныхъ въ старинныхъ романахъ, совершенно не попадаются ни въ одной изъ хроникъ.

Слѣдующее стихотвореніе также оуравокъ. Оно гласитъ:

Yo me la mora Morayma, Я, колодадъ мавриданка, Морайма,
Morilla d'un bel catar; Мавриданка съ гудымъ взглядомъ,
Christiano vino a mi puerta, Христіанинъ позвучалъ въ мою дверь,
Cuytada, por me engañar. Этомъ обмануль меня, несчастную.
Habla me en algaravia, Онъ мнѣ сказалъ по арабски.

Como aquel que la bien sabe: Какъ человекъ хорошо знающій какъ дѣлать.

„Abra me las puertas, Mora, Озвори мнѣ дверь, мавриданка,
Si Ala te guarde de mal.“ Да хранишь тебя Аллахъ отъ всякаго зла.“

„Como te abre, mezquina, — Какъ озворишь ребѣ, презрительный,
Que no se quien tu seras?“ Не знаю, кто ты?“

„Yo soy el moro Macote, Я — мавръ Масотъ,
Hermano de la tu madre, Братья звоей матери.

Que un Christiano dezo muerto, Который поразили христіанина на смерть;
Tras mi venia el alcade. За мною идешь алкадь.

„Si no me abres tu, mi vida, Если ты, жизнь моя, не озворишь мнѣ,
Aqui me veras matar.“ Тамъ увидишь, какъ меня убьютъ.“

Quando esto oy, cuytada, Слыша эти слова, взволнованная,
Comenceme a levantar; Я встала съ постели;

Vestierame un almexia, Я надѣла мою зункику,

No hallando mi brial; Не найдя моего шелкового плаща,
 Fuera me para la puerta Я подошла къ двери
 Y abrila de par en par. ¹⁾ И широко раскрыла ее.

Во зтомъ отрывкѣ съ крайнею простотою разсказаны
 случаи, характеризующіиъ политическіе дѣла въ Испаніи,
 въ XIII - XIV вѣкахъ сроднѣясь, когда обѣ расы смилнес
 вѣстность и зтомъ не менше вѣжно врандовали между со,
 дого. Возвращающаяся въ первыиъ урокахъ форсированная
 аллигерация равно какъ и словъ всего отрывка свидѣтель,
 съвѣдѣтъ о грубоети первоначальнаго касилъскаго языка.

Слѣдующее за сими стихами - романсъ - предраз,
 иже съ вѣстною итальянскаго. Вотъ оно:

Fonte frida, fonte frida,	Мезотникъ свѣтлый, изотникъ свѣтлый,
Fonte frida, y con amor,	Мезотникъ свѣтлый, мезотникъ любви,
De todas las avericias	Куда все малавѣя пѣрцы
Nan tomar consolacion,	Лехаръ искаръ утешенія,
Sino es la tortolica,	Меклюкад голубки,
Que esta biuda y con dolor.	Которая овдовѣла и печальна.
Por ay fue a passar	Туда прилегалъ (воробей)
El traydor del ruiseñor;	Измѣнникъ-соловей;
Las palabras que el decia	Слова его были
Llenas son de traicion:	Полны предаательства:
„Si tu quisieses, Señora,	„Если бы ты хотѣла, сенсора,
Yo seria tu servidor.“	Я былъ-бы зводиль работъ.“ -
„Vate de ay, enemigo,	„Суднайъ возстаю, недругъ,

¹⁾ Cdh. Pencionero General, 1535, fol. III. a.

Malo falso, engañador, Злой, коварный, обманщик,
 Que ni peso en ramo verde Не одухотворяет ни на зеленой ветви,
 Ni en prado que tenga flor; Ни на цветущей луго;
 Que si hallo el agua clara, Если найду воду чистую,
 Turbia la bebia yo; Я буду мутить ее мутною;
 Que no quiero aver marido, Я не хочу иметь мужа,
 Porque hijos no haya, no; Чтобы не иметь детей, нет;
 No quiero plazer con ellos, Я не могу радости от них,
 Ni menos consolacion. Еще меньше утешения.

Dejame triste enemigo, Оставьте мне меня, печального врага,
 Malo, falso, mal traidor, злой, обманщик, предатель,
 Que no quiero ser tu amiga Я не хочу быть твоей подружкой,
 Ni casar contigo, no. Ни вступать с тобой, нет.

Здесь по сопровождающим этот романс гласит, что и подражатель, его кустом отнести к весьма древним. Его начало "Fonte fida, fonte fida" есть, по мнению Шукшора, подражание романсу "Rosa fresca, rosa fresca", — одному из прекраснейших и любимейших сраженных романсов. Вот он гласит:

"Rosa fresca, rosa fresca, Роза свежая, роза свежая,
 Tan garrida y con amor; Прекрасная роза, полная любви,
 Quando vos tuve en mis brazos, Когда я держал вас в своих руках,
 No vos supre servir, no! Я не умел ухаживать за вами, нет!
 Y agora quos serviria, А теперь, когда я ухаживал бы за вами,
 No vos puedo aver, no!" Я не могу иметь вас, нет! —

Nuestra fue la culpa, amigo, „Эго была ваша вина, другъ,
 Nuestra fue, que mia, no! Эго была ваша вина, не мой, не ты!
 Embiastes me una carta, Въ послали мнѣ извѣстіе (содѣлв. карточку)
 Con un vuestro servidor, Съ огнемъ изъ вашихъ слугинелей
 Y en lugar de recandar, М вышло того, чтобы исполнил хорошо поручение,
 El dixera otra razon: Онъ сказалъ советомъ другое: -
 Querades casado, amigo, Это вы уже женились, другъ,
 Alla en tierras de Leon; Тамъ въ (сѣрапнѣ) Леонѣ,
 Que teneis muger hermosa, Это у васъ красивая жена
 Y hijos como una flor: - М двоюи похороше на извѣстѣ. -
 „Quien os lo dixo, Señora, „Потъ, кто сказалъ вамъ это, сенсора,
 No vos dixo, verdad, no! Не сказалъ вамъ правды, не ты!
 Que yo nunca entre en Castilla, Никогда я не бывалъ въ Кастилии,
 Ni alla en tierras de Leon, Ни здѣсь, ни въ Леонѣ,
 Si no quando era pequeño Развъ юлско советомъ реденкомъ,
 Que no sabia de amor.“ Когда я ничего не зналъ о любви?

Эго въ романсѣ „Rosa fresca, rosa fresca“, соотвѣтству-
 ющій романсу „Fonte fida, fonte fida“, оулигающа не
 меньшего происхождѣ и характерносерго. Роза, - это шлѣда,
 мнѣ сердца. Онъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ
 романсовъ, что доказывающа словомъ carta, упузредленомъ
 для обозначенія словеснаго порученія. Въ рив.нованской
 Хроникѣ Фернана Тонзалеса (col. 795) писанная писма
 или порученія для оуличія называюща „Cartas por a. v. c.“
 Слово carta въ романсахъ всегда означающа словесное поруч.

чение.

Эти два романа напечатаны в издании 1532. (листы 107 и 108). Они принадлежат к числу древнейших. В виду их позднейшей прелесть я привел их оба и в подлиннике.

Какъ эти романы, с козорьими на золско это ознако, шились, такъ и некоторыя изъ осканскихъ апокрифовъ этого маленскаго сборника столь же любопытны скачко и древни. Но болшиишество осканскихъ и вето, авторы козорьихъ извѣстны, не имѣють отодой извѣстности и оуносятся къ болѣе позднѣйшему времени. —

Санционо генерал, софавленский феррандо дель Ка, сунго (1511 г.) увеличивался в объемъ и подвергался измѣненіямъ въ последовательныхъ тобми ^{изданіи} (изданіяхъ),¹⁾ последнее изъ козорьихъ вошло в связь в 1573 г. Но во вето эти изданія маленскій сборникъ роман, сохранился в своемъ первоначальномъ видѣ безъ всякихъ измѣненій, хотя в позднѣйшихъ изданіяхъ къ нему и присоединены некоторыя, болѣе новые, романы. Такъ, напр. в последнемъ изданіи (1573 г.) помѣщаются между прочимъ романы, написанные закиль обри, золъ (листъ 373):

Ay Dios de mi tierra, Ахъ, Боже мой родины,

¡Quiero me de aquí! Вынеси меня отсюда!

Ay, que mugalaterra Ахъ, Англия —

1) Валенсія 1514 (и 1516 г.), Толедо 1517, 1520 и 1527 г., Севилья 1535 и 1540, Антверпенъ 1557 и 1573 г.

Ma no es parati... Медля медя создана!

Этот романс, вероятно, был сочинен одним из придворных Филиппа II, сопровождававшим короля в Англию и затем вернувшимся по родителю. Это-грациозный и певучий романс. Но весьма сомнительно, тогда Сансионегос Generales способствовали популярности произведений старинной народной поэзии, особенно если мы примем во соображение, что они наполнены стихотворениями манерной поэтической школы того времени и по всей вероятности были мало известны обитателям, за исключением разве придворных, которые не были в со-зрании отечественной доэпохи древние и национальные элементы испанской поэзии. Salva наследуется до девяти Сансионегос Generales, что Птикорь предпологает, что их по крайней мере десять.

В эпоху повлечений Сансионегос стала была единичная, разумная попытка собрать старые романсы, и она увенчалась успехом. В Антверпене и Сарагосе, сь между-1546^{года} и 1550^{года} е. Нарринь Нусио и Седрань де Кахера издали в двух частях книгу, которую они назвали первоначально „Сансионего Le Romanes“, а впоследствии сь в „Libro de Romanes“. В предисловии к обоим изданиям, издавец извиняется в ошибке, в которой оне новь внасть, такь какь некоторые романсы записаны мнѣ изъ усть людей, козоримь нахаль сгала усть изъ.

многого.

Также или иначе, оба издания многого больше важности для того народной поэзии. Антверпенский сборник, конечно, конечно склепан древнейшими из Романсено и первыми, составленными на основании народных преданий. Это-то обзорове и придает ему, сравнительно с другими, чрезвычайный интерес и ценность. Знаменитое число вошедших в него маленьких поэмы и песни размещены как отрывки уже завершенного народного романа; например того романа о графе Кларе. Рост здесь помыслить вполне, тогда как Сансионено, изданное 30 лет назад, заключает в себя лишь отрывки, выделенные (отрывки, которые только собираются издавать. Эти два важных факта двумя противоположными путями приводя издавателей к заключению, что романы этого сборника действительно, как сказано в предисловии, составлены по народным воспоминаниям.

Разновременный нами, составленный из народных романсов, Романсено имеет такой ценный, что менее чем в десяти лет, от видения при издании с исправлениями; издание 1555 года, обыкновенно называемое Антверпенским Сансионено, было последним, самым полным и самым известным из них. Вслед за этим Романсено последовали другие подобные же сборники и в числе их одним в виду касаться, издан.

Исторія старо-испанской поэзи съ XI ст.

мысль оудольно, съ 1593 по 1597 годъ, въ Валенсiи, Бургосъ, Паледо, Алкаль и Мадридъ; разнообразіе мнѣствъ изданiя соотвѣствующе разнообразію издочниковъ, ко-
торнымъ мы обязаны не только сохраненіемъ такого громад-
наго количества старинныхъ романсовъ, но также и
богачествомъ, и разнообразіемъ сюжетовъ ихъ. Въ круп-
нѣйшiй провинціи королевства, за исключеніемъ юго-
западныхъ, послали свои вѣкаши накопленную сокро-
вища въ эпоху первый громаднiй складъ національной
поэзи. Сборникъ эпохъ, подобно своему скромному пред-
шественнику, имѣлъ большой успѣхъ. Объемистый уже
въ первомъ, онъ разросся все болѣе и болѣе въ слѣ-
дующихъ четырехъ изданiяхъ, появившихся въ теченіе
пятнадцати лѣтъ. Последнее изъ нихъ въ трехъ частяхъ
(1605—1614 г.), представляеъ собою громадную сокровищ-
ницу, извѣстную подъ именемъ Романсосо Генерал.
Отсюда и изъ другихъ менше значительныхъ сборниковъ
мы до сихъ ^{нѣтъ} извлекаемъ почти все, что только есть изъ
зерсала и цѣлннаго въ старинной народной поэзи
Испанiи; общее количество романсовъ, политическнхъ
во всякъхъ эпохъ сборникахъ, превышаетъ тысячу.

Во всякомъ случаѣ, старинные сборники XVI столѣ-
тiя до сихъ поръ озабочаю единственно надежными
источниками, въ которыхъ можно найди настоящіе
народные романсы. Сборникъ, изданный съ 1593 по 1597 г.,

и много особую ценность в виду того обиходельства, что, как мы уже слышали, материалы для него собраны в различных библиотеках Испании; так, что если бы его богатому содержанию прибавил Сансионето 1511 года и Романето 1550 года, то мы получили бы громадный сборник старинных безыменных испанских романсов, наиболее близко стоящий к народному преданию, единственному источнику всего ценного в них, всего того, что помимо них не сохранилось нигде.

Так как издавали романсы не придерживаясь никакой методической группировки их, но, по видимому, эти народные произведения были изданы в единственном числе слышавших заботою для чтения образованных классов общества или усладить досуг, и подвздошных воинов, дравшихся под знаменами Карла V и Филиппа II во Италии, Германии и Фландрии, и так как историкам этой словесности представлялись задачи привести романсы в хронологический порядок, — то и мы здесь должны указать, что от этого, потому что это в насывице народной поэзии почти совершенно не возможно. Поэтому и нам остается лишь распределить эти чудные народные произведения по сюжетам. Такими образом получаются: 1) рыцарские романсы, 2) исторические романсы, 3) еврейские-маврические романсы и 4) романсы,

изображающие гасишную жизнь.

Конечно, Тудеромъ была высказана мысль,¹⁾ и Волберъ разбивалъ ее далѣе, что именно пудель языка, желаннаго изслѣдованія не только вънѣшней формы романсовъ, но и въ тона, колорита и существеннаго характера, и въ можно раздѣлить на нѣсколько группъ согласно времени и въ подвѣтій,²⁾ однако, въ сущности, сдѣлать подобное крижильское изслѣдованіе — отчасти языка физическое, отчасти психологическое, отчасти опираясь, ищется на тонкія филологическія соображенія — сличить, какъ неопредѣленно по своему характеру и по входу, ищется въ него элементарь, чтобы можно было на основаніи его сдѣлать вторично хронологическую классификацію массы старинныхъ романсовъ. Поэтому даю самъ Волберъ, наконецъ, предпочелъ группировать избранки и въ романсы³⁾ по и въ сознатель, не показавъ опредѣлить, ищется сравнительную и въ древности. Ищется, разсмотрѣвъ и въ теперь еще романсы по и въ сознатель.

1. Рыцарскіе романсы.

Прежде всего поражаемъ мысль, когда мы раскрыть ищется любой сборникъ старинныхъ испанскихъ романсовъ, национальный духъ, козоровъ оти противники. Напрасно ищется въ нихъ позднѣшнихъ вымысловъ другихъ народовъ своеговременнаго періода. Даю рыцарство, сдѣлать свойственный характеру и положенію Испан.

1) въ предисловіи къ его Хроникѣ Суда.

2) его сдѣлать о томъ помыслена въ немецкомъ переводѣ книги Пикагора, т. II, стр. 479 и слѣд.

3) ср. его „*Revue de Romances*“ (Berlin, въ 2хъ томахъ, 1856г.).

ни въ эпоху появленія романсовъ, не ввело своихъ любимыхъ личностей въ эту область фантазии, но оу, сурьвучеъ со всего свѣта своихъ обильныхъ героевъ. Ни оъ Арzurъ и его Кругломъ Солнцѣ, ни о гудасалъ Траалд, ни о Персивалъ, ни о Палмеринахъ, ни о многихъ другихъ хорошо извѣстныхъ и знаменитыхъ герояхъ французской суратой рыцарства, старинныя романы не говорятъ ни слова. Въ послѣдствіи толькозоры изъ этихъ лицъ трагизъ Василию роетъ въ испанскихъ прозаическихъ романахъ; но долго сама мзорія Мсаніи досрабляла слишкомъ обильные материалы для народной поэзіи; и поэтому, если въ послѣдствіи Амадисъ, Ланцелотъ, Тристанъ и ихъ содразъ похваляюся изрѣдка и въ романахъ, то они вошли въ нихъ уже послѣ того, какъ были прославлены романами. Но и въ этомъ случаѣ они вводились какъ то неловко, нисколько и ни одинъ изъ нихъ никогда не занималъ звердо-опредѣленного положенія. Это происходило оъ того, что мзорія Сиди и Бернардо дель Карнио были гораздо ближе къ сердцу испанскаго народа и озрабляли мало мвса для вымысловъ сравнительно больше холодныхъ и менше сущесвенныхъ.

Исключеніе сосрабляеъ одинъ голско Карль Великій со своими тѣрами. Изъ государъ, блисавшій не голско слабого подьдъ, но и гразданскаго озраван,

мощно, величье своих гасиданских урезидений, въ самой земной изъ вѣковъ, насунувшихъ для Евро-
пы послѣ паденія римской имперіи, въ VIII столѣ-
тій, какъ извѣстно, перешель, по просьбѣ союзныхъ
мавровъ, Пиринем, проникъ со своими рыцарями до
Абро и взялъ Пампелуну и Сарагосу. Это произвело
на умы испанцевъ то же внезапленіе, какъ и на
весь современный міръ. Блескъ его великаго имени
и его дѣятелій стѣснелся въ воображеніи испанска-
го народа съ французскими предсавленіями о сво-
ихъ содѣянныхъ великихъ подвигахъ и породилъ цѣ-
лый рядъ романсовъ, въ которыхъ, однако, національ-
ное зуселавіе засравляеть его послѣ вѣствъ великихъ
подвиговъ, насъ подъ мечами испанцевъ со всеми его
тѣрами „при Фронзарабдіа“.

Въ старинныхъ испанскихъ романахъ описана,
мужъ весьма подробно эти романцузскіи, не мнѣющія
почти ничего общаго съ мезоріей,¹⁾ приключенія, въ
которыхъ французскіе палadini фигурируютъ въ соод-
ствѣ съ баснословныхъ испанскихъ героевъ, въ родѣ
Монзезиноса, Дурандарде²⁾ и однажды въ соодствѣ съ благо-
роднаго мавризанскаго вудая Нальимоса. Однако, какъ
это обикновенно бываеть въ подобныхъ случаяхъ, и здѣсь,
относительно мнимаго великаго поразненія французовъ,
мнѣлось нѣкоторое историческое основаніе для вымысла:

1) Силконди, Hist. des Français, Paris, 1821. Т. II, pp. 257-260.

2) Монзезиносо и Дурандарде играють и роль въ повѣщеніи Донъ-Кихотовъ
погрѣда Монзезино.

аррергардъ войска Карла Великаго, на возвращенномъ пути изъ Испаніи, были разбиты наваррцами въ Ронсевальскомъ ущелье или Ронсевальской долине и багачи его разграблены.¹⁾ Народное зщеславіе испанцевъ увеличиваеъ згозь франкъ и заславляеъ Карла Великаго, посмо всталъ великихъ подвиговъ, насъ подъ мечами испанцевъ со вѣтми его израми. Къ згой Ронсевальской битвѣ относилъ романсъ подъ заглавіемъ: „Сонъ графини Албды“. Въ оригиналь оны начинаеъ такъ:

„En Paris està Doña Alda, Въ Паризѣ сидиъ графиня Алда,
La esposa de Don Roldan“. Марселитная невеста Роланда,
окруженная зрѣмъ срами двѣуметь, ея служанокъ; — у вѣтъ ихъ одитакія плащъ, сандалин, и лентъ въ волосахъ,
и вѣтъ оны раздѣляеъ одну зрѣнезу въ палатахъ графини.
Возъ оны застѣдаеъ вокругъ ея параднаго кресла: сго зсуеъ шелководъ зкати, сго приддуъ золотыя нити, сто игралоъ на сладкозвучнахъ мюзиклахъ, подобн ушнмъ сурданидъ графини — думатощей о зомъ, козо зеперъ далеко съ войсками Карла Великаго. — убатоканная звукани, Албда засынаеъ, но вскорѣ просынаеъ съ крикомъ; — двѣуметки собираеъ вокругъ ней, и она разсказываеъ имъ свой сонъ: — „Я сидѣла на ущельномъ берегу и мнѣ казалосъ, что съ близнайшей горы срамъ спускаеъ, ея прямо на меня прекрасной соколъ, но влезан, но палецъ оръель, ударилъ сокола и козъдми и киль,

¹⁾ См. Aschbach, Geschichte der Ostgothen in Spanien. B. I, 1829, p. 171-173.

воинь разорвала пшцу, которая искала спасения въ мо-
ихъ колотыняхъ:

Старшая изъ ея прислужницъ улябнулась на эффе
разказа и сказала: „По моему (мыслию) — графиня Аль-
да невѣроятно возмущена значеніемъ своего сына. — Она сама
соколъ, а званъ рыцарь гордой орелъ, возвращающійся
съ войны побѣдителемъ и заключающій въ объятія
своего невѣсту: Доблестники разсѣялись, но Альда вѣдъ,
мула и печально покачала головой. — „Богачѣйшая“,
сказала она, „будешь звать награда, если зомско ты предъ,
сказала правду.“ —

Наслушавшись удро: писано пронизанное кровью,
повѣдало всю пшцу, что графиня Вольфъ, преслѣдуя
непріятеля, погибъ въ бѣдѣ при Виссвалъ.

Это — лучший изъ рыцарскихъ романсовъ, проник-
нутой духомъ эпохи рыцарства и просвѣтлѣнъ зрѣлостью,
мыслью и вѣсомъ, принадлежалъ къ лучшимъ вѣкамъ и
всѣмъ странамъ. Онъ помѣщенъ въ сборникъ романсовъ
за 1550 г. и встречается въ болшихъ хорошихъ изданіяхъ,
такихъ испанскихъ сборниковъ, какъ напр. въ Silva Ancha
Триума, 1815, и въ Primavera Волтера, Т. II, 1856.

Нѣкоторые изъ романсовъ этого класса, очевидно,
очень древни, какъ напр. „Графъ д'Арлоа“ (el Conde d'Ar-
loa), о маркизѣ Мануэланскій, два романа о графѣ
Кларосъ де Монзалванъ² и два отрывка о Дурандарте

1) онъ начинается: „Asentado esta Guayfagos“, однимъ изъ лучшихъ и на изобразитель-
ную сторону Сервантеса.

2) начинается: „Meda noche era por hilo“, о чемъ говорено выше раньше.

(„Durandarte, Durandarte“), изъ которыхъ первый напечатанъ въ Cancionero 1511 года; „Acasa va el Emperador“¹⁾; „O Be-
 lera, o Belera“²⁾; — это все рыцарскіе романы. Неко-
 торые изъ нихъ — очень длинны и по характеру своему
 приближаются къ стариннымъ французскимъ и ан-
 глийскимъ рыцарскимъ романамъ; романъ „Трафа-
 д'Ирлоа“, начинающийся „Estabase el Conde d'Ulos“,
 напр. заключаетъ въ себѣ около 1300 стиховъ. Длин-
 нѣйшіе романы въ большинствѣ случаевъ наивнѣе;
 а это изъ нихъ, черезъ которые почти отъ начала до кон-
 ца проходятъ одинъ и тотъ же ассонансъ, а иногда да-
 же одна и таже полная рима, образуютъ, благодаря
 своему медленному и тлавному разлитью, торже-
 ственную гармонию, производящую такое же впечатле-
 ніе на слухъ, какъ тѣніе богазого и хорошо выдер-
 жаннаго речизагуба.

Эти романы отличаются серьезностью и важностью
 тона, которой, соединяется съ энергіей живописнаго
 разсказа, представляющаго собою родки контрастъ съ без-
 порядочными и фантастическими характерами, при томъ,
 почти вполнѣ безвѣстны тому же разряду вымысловъ въ
 Италіи, и даже отличаются отъ этихъ темныхъ и ман-
 скихъ романсовъ, которые въ позднѣйшій періодъ были
 составлены изъ французскаго матеріала, замесомъ,
 важнаго изъ поэмъ Бюффона и Аріосто. Но все знали

1) о которыхъ также гасго упоминаетъ Сервантесъ.

2) переведенный на англійскій языкъ Уолсономъ.

и во векахъ видахъ романсы были любимыми поэтическими произведениями испанскаго народа.

2) Историческіе романсы.

Эпоха ордень — самый важный и богатый. Первые герои испанской истории возникли непосредственно из жизни. омалянаго характера, и первые подвиги испанскаго оружія такъ близко касались положенія каждаго христіанина на Понтоферрате, что естественнo стѣлались главными предметами испанской поэзіи, кою орад во все время была въ замѣчательной степени выразительна въ чувствахъ и чувствахъ народныхъ. . Поэтому, говорить Пиккоръ, „легко было составить коллекцію романсовъ — небольшою для эпохи готской и римской, но обширною оу времени Родрига, маврскаго завоеванія до момента освобожденія Мадридъ, какой мелодія подкара въ по-мощь истории никакой иной страны“. Возь рядъ великихъ героев, каковы: Бернардо дель Карнио, Фернандо Гонзалесъ, Сальваторъ Мартинъ, (Диего Лайнезъ, Лозано Ордазъ) и, преимущественно, Родриго Сидъ!

Но для нашей цѣли достаточно будетъ привести нѣсколько озривковъ изъ замѣчательныхъ, посвященъ, нашихъ эпикъ наидольше великимъ героямъ — личностями полу-французскими, полу-историческими, — кою рне съ конца VIII столѣтія и до начала XII, играютъ видную, важную роль въ старинныхъ преданіяхъ, слушахъ къ

разъясненію первоначальнаго народнаго испанскаго духа и поэзіи, или порожденной. Древнѣйшимъ изъ этихъ ге-роевъ былъ Бернардо-де-и-Карнио. Судя по стариннымъ повѣствованіямъ, Бернардо жилъ около 800 года и былъ милою займаго брака или связи графа Салданси со сестрою Альфонса Мудраго. Это супружество такъ жестоко оскорбило короля, что онъ обрекъ графа Салданси на вѣчное заточеніе, а инфанту (сестру) заключилъ въ монастырь. Бернардо отъ (короля) воссталъ какъ своего собудителя сына, скрывши оу него займу его рожденій. Подвиги Бернардо, оканчивающіеся его побѣдою при Ронсеваллѣ, его усилій освободить оуца, когда онъ узнаеть, что его оуецъ; въ ролество короля, который обѣщаль мѣскомо^{Базъ} освободить графа и всякій разъ нарушалъ свое слово; отгадкіе Бернардо и его оукрытое возстаніе противъ короля по смерти графа въ земляхъ — все эти драмы, изложенныя съ одинаковыми подробностями и въ романахъ и въ хроникахъ, составляють вѣрно романтическую и иммеранію чаетъ какъ жель, такъ и дружелъ.¹⁾

Бернардо, воспользвн въ пятидесяти романахъ, которые влнютъ съ разказами въ Хроникѣ Альфонса Мудраго доставили материалъ для многочисленныхъ драмъ и романовъ и по крайней мѣрѣ для трехъ драматическихъ поэмъ, Бернардо, сражаетъ освободить оуца,

¹⁾ Легенда Бернардо напечатана въ "Свѣтиса Генерал" въ III части, 1804 г.; но она почти вся баснословна.

обращается, по одному из самых древних романсов, к
королю:

Casadas ya las paredes
De guardar en tanto tiempo
A un hombre, que visieron moço,
Y ya ven cano y viejo.
Y ya sus culpas merecen,
Que sangre sea en su descuento,
Hart suya me derramado,
Y toda en servicio nuestro.¹⁾

(Срн. у нас сказы уцзали берець факь дольго геловника,
козорого онь видѣли молодань и козорого онь видѣть
генеря сьданы и дрѣхлань. Если его винь далшии ба,
ли искупленя кровью, — то его крови пролихо доурадожно,
— и пролиха она на важней службу).

Изъ старых романсовъ, разсказывающихъ эту исто-
рию, самый лучший жозь, въ козороль графь Салданья,
сидя въ своемъ уединенномъ заключеніи, изливаетъ
ся въ жалобѣ на сына, козорай, какъ онъ думаетъ,
долженъ зне знахъ о своемъ происхожденіи и на своего
жениу и франзу, козорай по его мнѣнію, дѣйсвуетъ за,
одно съ своимъ царсвѣннымъ братомъ.

Описавъ замочь, — мѣсто своего заключенія, онъ го-
воритъ:

Los tiempos de mi prision „О времени моего заключенія,

1) ~~Эт~~ Романсъ жозь ^{онь} написанъ впервые въ „Flor de Romances“.
Novena Parte. Madrid, 1597, p. 45.

Tan aborrecida y larga, Сзюмъ ненависзюмъ и сзюмъ долгоу,
 Por momentos me lo dicen Мнѣ иногда напоминаюу
 Aquestas mis tristes canas. Мои печальныя сзюмъ волосы. —
 Quando entre en este castillo, Когда я вошелъ въ сзюмъ замоу,
 Apenas entre con barbas, Борода едва пробивалася у мнѣ. —
 Y agora por mis pecados А теперь за мои грѣхи,
 Las veo crecidas y blancas Она подмалася гуще и побѣлѣла. —
 Que descuido es este, hijo? Сынъ мой, что значить сзюмъ забвене? —
 Como a voces no te llama Не шуми кровъ, которую ты унасилъ подвигать меня,
 La sangre que tienes mia, Не взымаюу въ зѣбѣ грѣху и не зѣбуй, чтобы
 A socorrer donde falta? Ты оказавъ помощьъ хану, гдѣ въ ней нуждаюуся?
 Sin duda que te detiene Конечно, зѣбѣ удерживаюу кровъ,
 La que de tu madre alcanças, Которую дала зѣбѣ мать,
 Que por ser de la del Rey Потому что сзюмъ кровъ короля.
 Juzgaras qual el mi causa. Ты съ мнѣмъ за одно. —
 Todos tres sois mis contrarios, Все вы зѣбѣ мои враги. —
 Que a un desdichado no basta Несчастному недосадочно имѣть враговъ,
 Que sus contrarios lo sean, Мущино, чтобы зѣбѣ враги были
 Sino sus propias entrañas. Плохъ оуе мнози его. —
 Todos los que aqui me tienen Тюрѣмщици мои
 Me cuentan de tus hazañas. Рассказываюу мнѣ о зѣбѣхъ подвигахъ.
 Si para tu padre no Если ты не бездупашеся за оуца,
 Dime para quien las guardas? Скажи, для кого ты берешеши себя?
 Aqui estoy en estos hierros, Я изжибаво здѣсь въ цѣпидѣхъ,
 Y pues dellas no me sacas. И если ты не являешсея освободитъ меня,

Mal padre de mo de ser, Что мне я дурной отецъ—
 O mal hijo pues me faltas Или же дурной сынъ, позолю что покидаешь меня.
Perdoname, si te ofendo Прости, если оскорбляю тебя,
Que descanso en las palabras, Я озвоню душу словами. —
 Que yo como viejo lloro Я плачу, какъ старикъ,
 Y tu como ausente callas.⁹ А ты, же молчишь, какъ ослушывающій.

Изъ романа о Бернардо деъ Каррйо, невольно пора-
 жаетъ насъ сходство въ соотвѣствующихъ мѣстахъ въ
 „Общій Хроникъ“. Такъ, напр., содержание романа, въ ко-
 торомъ говорится о томъ какъ Бернардо впервые узналъ, что
 отецъ его царь Сагундъ, встрѣчается и въ Хроникѣ. Это
 мѣсто (въ романѣ) гласитъ:

Quando Bernaldo lo supo	Когда Бернардо узналъ объ этомъ,
Resóle a gran demasia,	Его охватила такая сильная скорбь,
Tanto que dentro en el cuerpo	Что <u>кровь кипѣла</u>
La sangre se le volvia.	<u>По всему его телу.</u>
Yendo para su posada	Придя въ свое жилище,
Muy grande llanto hacia	Онъ испускалъ страшные слезы;
Vistiöse paños de luto,	Позомъ одѣлся въ траурное платье
Y delante el Rey se iba.	И пошелъ къ королю.
El Rey quando asi le vio	Когда король увидалъ его въ такомъ видѣ,
Destarte le decia:	То сказалъ ему:
„Bernaldo, por aventura	„Бернардо, же чего доброго,
Covdicias la muerte mia?“	„Не желаетъ-ли моею смертїю?“

Въ Хроникѣ мы узнаемъ то же самое. Очевидно, это въ данъ,

можно считать Хроника послужила оригиналомъ для роман-
са. Но трудно опредѣлить, какой именно романсъ легъ въ
основу самого разказа Хроники, такъ какъ несомненно,
что до насъ не дошелъ ни одинъ романсъ древней форма-
ции, современной Хроникѣ, создаваемой въ половинѣ
XIII столѣтій. Однако, можно бытъ, что нѣкоторые изъ ро-
мансовъ о Бернардо, находящіеся въ II части „Flor de Ro-
mances“ (Толедо, 1594) и записаннае Педро Флоресомъ въ на-
родныхъ усть, были извлечены во времена Алфонсо Лу-
иса и принадлежали къ числу жонъ Cantares de gesta, о
которыхъ упоминаеть Педро Флоресъ.

Несомненно, что нѣкоторые романсы произо-
шли изъ „Одизей Хроники“ (Crónica General); дру-
гіе же въ болѣе древней формѣ были, вѣроятно, основа-
ны въ жонъ поэтическомъ матеріалѣ, изъ котораго была
частью создавана „Хроника“. Лучшие изъ нихъ жѣ, кото-
рые менѣе строго придерживаются исторіи; но все, какъ
уже сказано, числомъ изъяснень, взятые вѣроятно, созданы
жѣ многообразной и интересной оудомъ испанской на-
родной поэзіи, прекрасно знакомыя намъ съ кривами
и пѣснями народа какъ въ жѣ варварскія времена, о
которыхъ въ нихъ говорится, такъ и во времена позднѣй-
шія, когда многіе изъ нихъ были написаны.

Стоперъ слѣдуетъ народный вождь, Фернандъ Гонзалесъ.
Между повѣдана серия романсовъ. Самые поэтическіе

Фернандъ Гонзалесъ въ половинѣ X-го вѣка овладѣлъ Касцилио у мавровъ и первый сдѣлъ ея владѣльцемъ графомъ. Самые позднѣйшіе изъ относящихся къ нему романсовъ — это, въ которыхъ описывается, какимъ образомъ онъ былъ два раза освобожденъ изъ злосчастнаго плѣна чудеснѣйшаго суркуго, и это, въ которыхъ говорится объ его борьбѣ съ королевою Санчо, борьбѣ, въ которой онъ вполне выказалъ геройство и мужество средневѣковаго феодала — князя. Почти все франкъ, разсказанные въ этихъ романсахъ, вѣроятнаго въ фрейсѣ части Строниса Генералъ, но, повидимому, только не большое число ихъ точно не несомненно замечено, но изъ нея какъ много изъ романсовъ о Бернардо дель Каррио, между прочимъ какъ другіе (романсы о фернандѣ Гонзалесѣ) въ болѣе грубой формѣ, но все въ родѣ, похищеніи, ей („Одиссей Хроникѣ“) предшествовали и даже послужили ей самымъ матеріаломъ. Одинъ изъ этихъ романсовъ, написанный также живо, какъ и другіе, называется такъ: „El Conde Fernan Gonzales“ и содержитъ разсказъ о побѣдѣ фр. Гонзалеса надъ Алмадоромъ, они саміе которой нигдѣ болѣе не встрѣчаются и поэтому особенно любопытны. Число романсовъ, относящихся къ Фернанду Гонзалесу, народному герою, весьма мало, по численности — всего около двадцати.

Слѣдующую серію составляютъ романсы, где говорится

1) См. *Flos de Romanes*, въ VII части (Alcala, 1597, p. 65).

о Семьи Инфантахъ Лара, жившихъ во времена Гарсиа Фортрандеса, сына Фернана Тонзалеса. Семьро дочерей Лара, владѣнныя домашней распри, преданы своимъ дядю въ руки мавровъ, которые ихъ и умерщвляютъ, въ то время какъ оцъ ихъ владѣнныя мизкой измѣныю, падають въ маврскую зорьбу, гдѣ оцъ одной благородной маврской дѣвочки и него рождаются восьмой сынъ, знаменитый Мудерра, который въ концѣ концовъ озоится, ехъ за все зло, приключенное его семьѣ. На эту сюжетъ существующъ до изданія романсовъ; вохъ отрывокъ романа, взятъ изъ „Общей Хроникъ“.

¿Quién es aquel caballero

Que tan gran traición hacía?

— ¡Qui Velasquez es de Lara,

Que à sus sobrinos vendía.

„Кто рыцарь, совершившій такую страшную измѣну? — Это Бун Веласкесъ де Лара, который продалъ своимъ младшимъ братьямъ. — Въ равнинахъ Алмегара отъ говорили инфантахъ, чтобы они напали на мавровъ, что отъ самъ пойдеть вѣнчать съ ними, — что они отнимуть у мавровъ громадную добычу и убьютъ многочисленныхъ братьевъ, — что затѣявши такое предпріятіе, они покажутъ себя героями. — Мавровъ болѣе десяти тысячъ; они идутъ съ развѣтвленными знаменами. — Инфанты его спрашивають: — „что это за полна приближается?“ — „Не бойтесь,

мои племянники", оубогаюъ Руи Веласкесъ, — это все не,
 годные мавры, мавры ничего не стоящие, которые при
 вашемъ приближеніи, жотчасъ же обратятся въ бѣгство;
 если же они будуъ ожидать вашего нападенія, я самъ
 приду къ вамъ на помощь. — Я не разъ уже нападалъ
 на нихъ, и ни одинъ изъ нихъ не защищался. — Азакуй²,
 же — не ихъ, мои племянники, — не будете друсами? —
 Амивоя слова, полная гнусаго коварства! Инфантоу,
 какъ храбрые люди, возмущаюъ въ бой съ маврами; —
 свизу ихъ создавляюъ всего двъсзи всадниковъ. А отъ
 мезиду зальво займо оуъ христіанъ оуправляетъ къ мав,
 ральво и говориуъ имъ, что ни одинъ изъ его племянни,
 ковъ, не долженъ оурагся въ шивальво. — Оурубиде шльво
 головы, я не буду защищать ихъ. — Двъсзи человекъ не
 болтъс — сопровозидателю ихъ."

Этотъ оурывокъ даеъ прекрасное помязіе о всей групп,
 что романсовъ; нъкокорое изъ нихъ ооно древни и пере,
 даюъ воимысли и преданія, ни гдѣ болтъс не воуручато,
 шіеся, мезиду зальво какъ другіе виднито замечуванн
 изъ "Общей Хроникки". Мезоридъ, Инфантоуъ Ларри пошльво
 щена въ Стониса генерал.¹⁾ Визуеубуеуъ и любознателъ
 книга въ сорока гравюрами, содерманциими ихъ поволи,
 денидъ, работы Оутона Валмиуса, члнзель Рубенса, членого
 и художника, чмершаго въ 1634 г. Заглавіе книги зрой
 "Historia Septem infantium de Lara" (Antverpienae, 1612). За.

1) см. гаетъ III, въ изданіи 1604 начинаеъ со стр. 74.

многочисленные романсы объ Мюфранкахъ Марки приведены въ книжечку Фредерика Волгера.¹⁾ Некоторые изъ нихъ прекрасны, а легенда, лежащая въ основѣ ихъ — одна изъ самыхъ романтическихъ въ испанской мифологич.

Последнюю группу составляютъ романсы о Сидѣ. Сидъ даже болѣе, чѣмъ Бернардо или Фернандъ Гонзалесъ слагался въ эпоху образования языка предмезомъ воююще, баянъ народной поэзии и о немъ сложено романсовъ болѣе, чѣмъ о какомъ либо изъ героевъ насройдней или баснословной мифологич. Испаніи. Въ поэму о Сидѣ, написанной на варварскомъ латинскомъ языкѣ, изданной Сангвалемъ²⁾ и очевидно сочиненной однимъ изъ очевидцевъ осады Алмеріи въ 1147 г. мы видимъ слѣдующія строки: *Ipse Rodericus, Mio Cid semper vocatus.*

*De quo cantatur, quod ab hostibus haud superatus,
Qui domuit* ^{и др. обр. и др.} *Moros, comites quoque domuit nostros etc.*
Сидъ по образцу Mio Cid (мой Сидъ, содѣл. мой господинъ, ибо Сидъ отъ арабскаго Seid — господинъ) поэма эта первоначально должна была быть написана на испанскомъ языкѣ, и въ Эповѣ слугае она предсказываетъ собою нѣчто иное какъ сборникъ романсовъ.

Сидъ — лицо историческое. Донъ Рун, з.е. Родриго (Сидъ) родился въ 40-хъ (или 50-хъ) годахъ XI столѣтія въ городѣ Бургосѣ или въ мезамей неподалеку отъ него деревнѣ Биваръ (или Виваръ, испанское в произношеніи въ извѣстн.

1) Meber eine Sammlung Spanischer Romanzen, Wien, 1850.

2) Ch. Reyes de Castilla, Pamplona, 1615, fol. 189 etc.

3) или Мауро

мать случайна, напр. между властными, почти как в,
 а в начале слова и большею частью перед согласными
 — как в). Отец его, Диего Лаймеза, происходил из
 старинной, но не очень знатной фамилии; за-то мать,
 Тереза Родригес, была дочерью графа и губернатора Меху-
 рин. Романы о Сиде сообщают мать полную историю
 Сиды с подробностями, не встречающимися нигде: ни
 в древней поэме, которая впрочем и не имела преже-
 зид быть жизнеописанием героя, ни в прозаической
 хронике, не заключающей в себе начала его истории,
 ни в латинской поэме, слишком краткой и смазкой.
 В самом начале мы находим подробное и живое
 описание скорби и суррадий Диего Лаймеза, Сидова отца,
 вследствие оскорбления, нанесенного ему графом Лоза,
 но (по некогорым барбандам Лозамо далъ ему поще-
 гину); самъ онъ срачь и оумсичъ не въ силахъ, а въ то
 же время не въ силахъ смеши и униженій. За него
 должны оумсичъ сыновья; но однихъ барбандамъ, иль
 у него зрое и Родриго — младшій; но другимъ, у Диего
 зрое законныхъ днчей, а герверзой, Родриго, — bastardo.
 Этодъ избегае сыновей, Диего призываетъ иль къ себѣ
 и сраеудъ вызвае недоудоймилъ обходидеиель иль не,
 годованіе — възиедъ или крѣпко сшилаетъ иль руки или,
 но варианду, болсно кусаетъ иль пальцы. Срашнє сыновья
 кричатъ озъ боли и просидъ помилованія; Диего въ оудя,
 ни; но когда онъ розъ же опидъ продъмалъ съ Родриго,
 послѣдній приходидъ въ взаимное погодованіе и гро,
 зидъ ему пощегинной (Ми бофетон ле на атагада). По дру,
 голу барбанду онъ говоритъ:

Развѣжи, оцъ, мнѣ руки!
 Развѣжи! когда бъ ты не бѣлъ
 Мой оцъ, а не словами
 Далъ себѣ тогда бѣ управу:
 Я бы содвѣвнкой рукою
 Вмудреннѣе злого нехорошца;
 Мнѣ неговѣ или кинжаломъ
 Бѣли пальцы бы мои.

Діего озвѣчаетъ:

Сынъ души моей, Родриго!
 Скорбѣ зной мнѣ нецѣлится,
 Трозной гнѣвъ зной мнѣ ограда;
 Будь защитникъ нашей чести:
 Ты пойдешь, если не мнѣ
 Ты не выкупишь ее.

Узнавъ злословное положеніе оца, Родриго, едва вы,
 медшій изъ оцрочева, рѣшаеца оумснѣ за обиду
 и вызываеца графа Лозано, самаго опаснаго рыцаря
 того времени и перваго дворднина въ королевствѣ.
 Поединокъ оканчиваеца смертно гордаго и дерзкаго вра-
 га. Дочь удѣлаго графа, прекрасная Химена, приходица
 къ королю жаловатца на Родриго; онъ не только удѣлъ
 ея оца, но и теперь обиснаеца сироту: онъ пускаеца соко-
 ла въ ея голубѣзну, подбиваеца ея голубѣй и ивъ кровью
 окрѣвилъ ея одеиду. Король въ неловкомъ положеніи:
 онъ навлецаеца себѣ болшій неприятели, если поведе,
 еца наказатца суда; но не можеца и оуказатца въ справед-
 ливой просѣбѣ просицеленница. Химена сама выводитца
 его изъ затрудненія: она просица выдатца ее за мучь за

Сига: „Онъ мнѣ надѣлалъ много зла; кошмаръ бытъ и сладчесть что-нибудь доброе“. Удивленный король отвѣчалъ: „Я всегда слышалъ, а теперь и самъ убѣдился, что женщина — особенная созданія. До сихъ поръ она зрѣловала отъ меня мученія, а теперь хочется воздти за мушкетера за обидчика. Я согласенъ и сейчасъ же пошлю Родриго нисе, но, чтобъ онъ притѣхалъ сюда“.

Здѣсь можно (по Киришникову) предположить слѣдствіе двухъ варьянтовъ: по одному, Химена зрѣесть мученія, по другому — руки Сига; рѣчь короля о женской непослушности присоцинена позднѣе. Но какое слѣдствіе, если оно документально произошло, надо искать въ очень древней эпикѣ, какъ оно проявляясь уже въ „Исторической Хроникѣ“ (*Crónica rimada*). Очевидно весьма древній и романсъ, въ которомъ мы находимъ подробное и живое описание скорби и суады, мнѣ Сигова оуба. Онъ гласитъ:

Muerto Diego Lainez . Diego Лайнезь сдохъ
 En la mengua de su casa, На суады геси своего дома
Fidalga, rica y antigua, Благороднаго, богазаго, сфариннаго,
 Antes de Niño y Abarca; Сфариннаго, гилье даме Нино и Абарка;
 Y viendo que la fallasen и видѣ, что ему недоучаеъ
 Fuerzas para la vengança, Силь дакъ геси,
 Porque por sus luengos años, Потому что его прескартѣлые годы
 Por si no puede tomalla, Не позволяеъ ему пощовѣ за себя;

Y que el de Orzán se pasea Визя, что Лозано Орзандь
 Seguro y libre en la plaza, Безпренягдубвенно разгуливаея
 Sinque nadie se lo impida, По улицамъ - спокойный и свободный, -
 Lozano en nombre y en gala, Уносимой радостью и славой; -
 Non puede dormir de noche, Не можетъ спать ^{ночью} ногей,
 Nin gustar de las viandas, Ни прикоснуться къ мясу,
 Nin alzar del suelo los ojos, Ни подыять очи, опущенной долу, -
 Nin osa salir de su casa, Онъ не смываетъ вьдри изъ своего дома,
 Nin hablar con sus amigos, Ни беседовать съ друзьями. -
 Antes les niega la fabla, Напроживъ, онъ отказывается говорить съ ними
 Temiendo no les ofenda Изъ страха оскорбитъ ихъ -
 El aliento de su infamia! Думовеніемъ своего безгесія.

Сидъ вьнестъ съ оузомъ, во главь зоо вассаловъ, вѣдуть
 къ королю. Люди королевскіе указывалуть на него друзь
 друзу: „Возь возь, кро убилъ графа Тормаза! Услышавъ
 это, Родриго говоритъ, побоя очами: „Если естъ между
 вами его родсубенникъ или друзь, кому горесума его
 смереть, возь нустъ выходяуть и спрашиваеуть на мнѣ: Я
 буду защитать свое дѣло козъ тѣмій, козъ на конь.“
 - „Да, погу - спрашивай на законъ дѣволъ!“ Пѣско
 въ исполненіе воли оуза Сидъ соглашаея поцѣловаея
 у короля руку; когда онъ преклонилъ колѣно, оузо,
 милей его мечь и ужалъ на землю, а король въ ушасть
 воскликнулъ: „Спасице меня, это самъ дѣволъ!“

Изъ этого слухать, какъ и изъ многихъ другихъ, можно

4 Древнѣйшій сборникъ, гдѣ вьрѣнаея этоуь романсъ - это
 „Flor de Romanes“, часъ IX, 1597, p. 133.

видеть, что *Crónica rimada* (Римованная Хроника) гасго до буквального сходится с романсами, но последние излагают факты поэтической историей Суда лучше и по-наденно. По тогдашним обычаям все улаживается браком между брашнающимися сторонами, Хименом и Сидом, браком, который, естественно, полагает конец распрям.

Ньсколко романсов скоро упоминают, только подробно, но излагают, подвиги Суда при жизни короля Фердинанда; за-то они сь бошьей подробностью говорят о сь, пруженской любви Химена кь Сиду. Въ одномъ изъ стиховъ Химена письменно жалуеть королю, что Сидъ посто-анно въ походаль: „если и привезаешь домой, то жакое ужалый и изжуженый, что сьглась-ше застаешь, да и во снь сьдзедь сьму дивья...“.

До сьихъ поръ романсы касаются только ранней юности Суда, прошедшей во время царствования Фердинанда Великого. Они совблывають одгильмьую группу романсовъ, до, сьравненью Тилвену де Касуро и зазьясь великому франку, уззекому драмису, Корнелю, лучший материал для шьфра, гедий или драмы изъ этой гаси историй Суда. Но романсы, какъ и „Римованная Хроника“, ничего не знаютъ о борбь между гувезомъ долга и любовью — борбь, на ко, ророй построена знаменитая пьеса Корнеля. Родриго и Химена не знали другъ друга до убийства сьрафа Мо.

зато. Сфранская непослушательность Химены содер-
житъ въ зародышъ нехорошо любви Химены и Сиды, какъ
она излагается у драматурговъ.

Возь въ извлеченіи два зрѣсно связанныя по содер-
жанію романа, козоре ходя не упоминають даже име-
ни Сиды, но неразрывны съ нехоріей его дѣдательности въ
царствованіе наслѣдника Фердинанда, дона Сабло.

Губернръ приближеніе смерти, Фердинандъ раздѣляетъ
свои земли, свое королевство, между сабовъями. Возвучъ
въ комнату умирающаго входить, въ глубокомъ траурѣ,
дочь его Ураса. „Возь ли какой законъ, божескій или гено-
вическій“, говоритъ она оуди, „по козороу слѣдуетъ лишаеъ
наслѣдства дочерей въ пользу однихъ сыновей? Развъ я
не законная дочь ваша, что вы все раздали братьямъ?
Но и незаконныхъ дѣтей слѣдуетъ обезпечивать. За ка-
кую вину наказана я? Что скажутъ гурніе народы
и ваши подданные, когда они объ зромъ узнають? Какъ
я буду кормиться безъ мужа и безъ вѣдкихъ средствъ?
Если вы не даде мнѣ своихъ земель, я пойду по гурнию;
чтобы скривъ вину вашу, я не буду называть себя вашимъ
дочерью. Въ одеждѣ сфранщицы буду я, бѣдная, скривать-
ся; но помните, что пурница въ свѣдѣнѣ мнѣсала о.
бвкнобенно сраковдѣя распузницами.“¹⁾

Las faldas sienta

Que las tomeras à veces

Suelen fincar en ganchos.

¹⁾ Платъ удачно переводитъ С. И. Буслевъ нѣку слово оригинала:
tomera — гача. Romera — пурещеувенница въ Римѣ, козоль сфран-
щица вообще; ganchos — распузница.